

ГАЙ-ДО

Глава 1

ГАЙ-ДО И ЕГО ГОСПОЖА

В нашей галактике много планет, где обитают разумные существа. Большинство из них — люди. Другие — похожи на людей. Третьи — похожи на что угодно, только не на людей.

Как-то директор московского Космического зоопарка профессор Селезнев взял свою дочь Алису на конференцию космозоологов. Там собрались ученые с трехсот сорока двух планет.

Сам зал заседаний был устроен необычно. Амфитеатр занимали люди и подобные им создания. По крайней мере, настолько подобные, что могли сидеть в креслах или на полу.

Вместо партера был устроен бассейн, где плавали и плескались делегаты, привыкшие жить в воде. Балконы были превращены в аквариумы, и там находились делегаты, которые дышат метаном, аммиаком и другими газами. А под самым потолком реяли и порхали летающие делегаты.

Порой космозоологи отлично понимали друг друга, а иногда начинали так отчаянно спорить, что Алисе становилось страшно — а вдруг они пустят в ход все свои зубы, когти, щупальца, иглы и клювы. И начнется первая зоологическая война.

Но до войны дело не дошло.

На конференции был делегат и с планеты Вестер. Алиса его не заметила, потому что жители планеты Вестер не отличаются от землян. Только глаза у них сиреневые, а на ногах шесть пальцев.

Если бы Алиса тогда знала, какую роль сыграет планета Вестер в ее жизни, она бы, конечно, подошла к профессору с Вестера и спросила бы, не знаком ли он с изобретателем Самаоном Гаем? А профессор бы ответил, что тысячу раз видел изобретателя, так как живет в соседнем доме и может рассказать много интересного о самом Самаоне и его дочке Ирии.

...Самаон Гай жил на окраине города в отдельном обширном доме, большую часть которого занимали лаборатория и мастерская. Гай работал один. Его звали в институты, предлагали конструкторское бюро. «Нет, — отвечал он, — когда рядом со мной чужие люди, я не могу думать. — И добавлял: — Вот родится у меня сын, я выращу себе помощника, и мы

вдвоем построим такой корабль, что вся галактика ахнет».

Самаон мечтал о сыне. Он ему придумал имя Ирий, что означает «солнечный». Самаон заранее покупал сыну игрушки, инструменты и приборы, чтобы тот, как родится, сразу занялся делом. Над мастерской он построил комнату для сына, в которой все, от гимнастических снарядов до маленькой лебедки и миниатюрной штанги, сделал собственными руками.

И тут случилась неожиданность: жена Самаона родила ему дочку. Нормальную, здоровую, веселую дочку. Но дочку!

Самаон Гай решил, что жена нарочно это сделала, потому что никогда его не любила. Так он ей и сказал. Правда, после того, как два месяца вообще с ней не разговаривал.

За эти два месяца Самаон Гай решил, что еще не все потеряно. Если у него нет сына, то он сделает сына из дочери.

Он назвал дочь Ирией, что значит, как вы уже догадались, «солнечная», потом отнял ее у матери и переселил в комнату над мастерской. Самаон сам растил и воспитывал дочь, никого к ней не подпуская. Он не подарил ей ни одной куклы и не разрешил дотронуться до нитки с иголкой. Он запрещал ей собирать цветы и играть с девочками. Зато с раннего детства

Ирия должна была водить автомобиль, поднимать штангу, заниматься боксом и вольной борьбой, прыгать с парашютом, считать в уме, работать с компьютером, пилить, строгать и паять. Даже в школу он ее не пускал, чтобы она не заразилась какими-нибудь женскими слабостями.

Мать Ирии редко видела свою девочку. Ей разрешалось только кормить семью, шить и стирать. Она несколько раз просила своего мужа: «Можно я рожу второго ребенка?» Но тот отвечал: «Хватит с меня одного». И нет ничего удивительного, что мать Ирии скоро умерла. И тогда уже ничего не могло остановить отца.

Ирия не подозревала, что существует другая жизнь, в которой девочки не поднимают штангу, не прыгают с крыши на землю, не водят гоночных автомобилей и не занимаются боксом. Она была уверена, что так живут все девочки Вселенной.

Понемногу отец учил Ирию и ремеслу конструктора космических кораблей. Разумеется, трудно построить в мастерской настоящий корабль — обычно Самаон Гай делал только макеты, но его макеты были настолько хороши, что многие заводы были рады заполучить макет и сделать по нему большой корабль.

Когда Ирии исполнилось десять лет, она была куда больше похожа на мальчишку, чем на девочку. Руки в мозолях, ногти обломаны, волосы пострижены совсем коротко, движения резкие и быстрые. Самым большим удовольствием в ее жизни было взять в руку широкий загнутый нож и вырезать из дерева модель будущего корабля или игрушечный бластер. После работы она ныряла в прорубь, если дело было зимой, или плавала с аквалангом, если стояло лето.

Отец был доволен. Ирия оказалась лучше обыкновенного сына. А если добавить, что у нее была такая великолепная память, что она знала наизусть всю таблицу логарифмов и могла в две секунды извлечь корень шестой степени из десятизначного числа, выучила наизусть все учебники и бегала стометровку быстрее десяти секунд, то можно согласиться с Самаоном Гаем, что ему повезло.

В доме Самаона Гая не было радио и телевизора. Ирия даже в университет не ходила. Профессора читали ей лекции дома. Самаон выбирал самых старых профессоров, которые не думали ни о чем, кроме своей науки.

Самой заветной мечтой Самаона Гая было построить умный корабль. Нет, не робот. Кораблей-роботов, которые сами выбирают курс, сами добираются до нужной планеты,

сами разгружаются и загружаются, немало летает во Вселенной. Гай хотел сделать корабль, который будет думать.

Такой корабль нужнее всего в небольшой экспедиции. Он сам привезет ученых, будет поддерживать связь с базой. Если нужно, поможет советом, если нужно, сам выполнит задание. А главное, станет разумным и добрым собеседником, преданным другом, который готов пожертвовать собой ради экипажа. Такой корабль, хоть и небольшой по размеру, должен быть самостоятельным и кроме обыкновенных двигателей иметь гравитационный, чтобы совершать прыжки между звездами.

Над подобной задачей давно ломали голову конструкторы. Но у них либо получалась громадина, либо маломощный планетарный катер, либо обычный корабль-робот, а уж никак не друг и собеседник.

Этот корабль Гай решил построить сам. От первого листа проекта до последней кнопки на пульте. Он ухлопал в это дело все деньги, что скопил за жизнь, вложил в работу все знания и опыт. Но все равно без сына-дочки ему бы не справиться.

Три года они трудились рука об руку. Когда Ирии исполнилось девятнадцать лет, корабль был уже почти готов. Гай с дочкой даже спали

в ангаре и три года питались только бутербродами и лимонадом. Три года Ирия не знала ни одного выходного дня, она отрывалась от работы только для занятий со старыми, ворчливыми профессорами.

И вдруг случилось несчастье.

Самаон Гай срочно выехал в город, чтобы получить на заводе навигационные приборы, но по дороге попал в автомобильную аварию. За те месяцы, что он не выезжал на улицу, в городе левостороннее движение сменили на правостороннее. И единственным автомобилистом, который об этом не подозревал, был изобретатель Самаон Гай. Он врезался в грузовик и погиб.

Ирия Гай осталась сиротой.

Но раз отец научил ее всегда держать себя в руках, девушка, похоронив Самаона, заперлась в ангаре, заказала себе полугодовой запас бутербродов и лимонада, разогнала старых профессоров и принялась доделывать корабль.

И в конце концов она победила. Мечта ее отца осуществилась.

Кораблик, который она назвала «Гай-до», что значит на вестерском языке «Брат Гай», взлетел над планетой.

Он был так быстр, что даже патрульному крейсеру было нелегко его догнать. Он мог

пролететь половину галактики и в то же время мог опуститься, не повредив ни травинки, на полянке размером с волейбольную площадку. Но главное — он был верным и единственным другом Ирии. Они понимали друг друга с полуслова. Гай-до так хорошо знал свою хозяйку, что мог бы вместо нее ходить в библиотеку или магазин. Правда, сделать этого он не мог, потому что оставался все-таки космическим кораблем.

Геологи, археологи, палеонтологи, экологи и ботаники планеты Вестер были в восторге от кораблика и просили сделать для них еще один. Но Ирия знала, что повторить Гай-до никто никогда не сможет — в него была вложена жизнь ее отца и часть ее собственной жизни.

Поэтому, чтобы никого не расстраивать отказом, Ирия сказала, что сначала потребуются летные испытания.

Летные испытания не так уж были нужны — Гай-до и без них мог делать все, что нужно. Но неожиданная шумиха вокруг кораблика очень испугала и утомила Ирию. Она поняла, что отвыкла от людей и не знает, как себя с ними вести.

Ирия загрузила корабль всем необходимым для долгого путешествия, договорилась с геологами, что обследует для них несколько планет в пустынном секторе галактики, и улетела.

Целый год они летали от планеты к планете. Много сделали интересных открытий, много повидали, но постепенно Гай-до начал замечать, что его госпожа невесела. Как-то вечером она спросила его:

— А что дальше?

— Дальше? — удивился корабль. — Дальше мы будем лететь от звезды к звезде и обследовать планеты.

— А дальше? — спросила Ирия.

— Я тебя не понимаю, — сказал корабль. — Очевидно, со временем мы с тобой состаримся и умрем. Так бывает со всеми людьми и кораблями. Это тебя печалит?

— Нет, не это. Меня печалит, что я не понимаю, зачем мы летаем?

— Чтобы принести пользу науке, — ответил корабль. — Вспомни своего отца. Вот кем надо гордиться. Он всю жизнь посвятил работе и в результате создал меня.

— Тебя он даже и не увидел, мою маму умирал, себя загнал до смерти, а меня изуродовал.

— Что ты говоришь, госпожа! — закричал кораблик. — Ты же самая сильная и мужественная женщина во Вселенной!

— Именно это меня и огорчает, — ответила Ирия, и кораблик ее не понял. Но замолчал, потому что когда у Ирии было плохое

настроение, то и у корабля портилось настроение. К сожалению, с каждым днем это случалось все чаще.

Глава 2

НА ПЛАНЕТЕ ПЯТЬ-ЧЕТЫРЕ

Им осталось обследовать всего одну планету. И потом надо будет возвращаться домой. Но ни Ирия, ни кораблик не знали, хотят ли они этого.

В таком настроении они подлетели к последней планете. Названия у нее не было. Только номер. 456-76-54. Они могли бы сами ее назвать. Тот, кто первым обследует планету, имеет право дать ей имя. Но планета оказалась такой негостеприимной и даже некрасивой, что им и называть ее не хотелось. Между собой они называли ее Пять-четыре. А это, разумеется, не имя для настоящей планеты.

На планете извергались тысячи вулканов, а от потухших остались кратеры, порой заполненные горячей водой. Из этих озер поднимались гейзеры или пузыри газа. Порой планету сотрясали землетрясения, отчего вулканы рассыпались, а их обломки и лава покрывали долины. На планете Пять-четыре моря были набиты ка-

менными островами и островками, которые вылезали из них, как ягоды из компота, налитого в блюдце. Реки утыкались в горы, исчезали под землей и выбивались фонтанами посреди озер. Долин там не было, нельзя же считать долинами россыпи скал, гор и камней. Этот бестолковый, тоскливый мир освещали четыре небольших красных солнца, так что там не было ночи, но и никогда не было светло. Тени от скал и гор металась по камням и лужам, в зависимости от того, какое солнце светило сильнее. Живых существ на планете было мало, а те, что были, таились в скалах или в морях, в трепете ожидая очередного землетрясения или извержения.

Эту планету и надо было исследовать Ирия с Гай-до.

Составить общую карту, геологическую карту, водную карту, собрать образцы минералов и фауны...

Устраивать наземный лагерь они не стали, а вышли на орбиту. А раз Гай-до никогда не спит, то он работал круглые сутки. Первым делом Ирия приготовила себе бутерброды. Она так привыкла питаться бутербродами, что даже забыла, как выглядит суп.

Тут она услышала голос корабля:

- На этой планете кто-то недавно побывал.
- Почему ты так думаешь?

— Тут вели взрывные работы и даже копали шахты.

— Странно, — сказала Ирия. — По всем справочникам, мы на Пять-четыре первые. Значит, тот, кто здесь побывал, не хотел, чтобы об этом знали.

Гай-до высыпал на рабочий стол фотографии, которые он уже сделал, и Ирия убедилась, что ее кораблик, как всегда, прав. Неопытный взгляд не увидел бы, где кончается естественный хаос, а где к нему добавились следы человеческой работы. Однако специалисту все было ясно.

Но еще более удивительное открытие они сделали примерно через час.

Они пролетали над очень мрачным ущельем, заваленным обломками скал, по дну которого, то исчезая среди камней, то вновь появляясь на поверхности, протекал горячий ручей. Неподалеку мирно пыхтел вулкан.

— Внимание, — сказал Гай-до. — Вижу предмет искусственного происхождения.

Ирия бросилась к экрану.

У ручья в тени скалы виднелось оранжевое пятно.

Они быстро снизились.

Оранжевое пятно оказалось смятой, разорванной палаткой.

Гай-до осторожно спустился в ущелье, Ирия выбежала наружу, чтобы поглядеть на палатку вблизи.

Она поняла, что случилось несчастье. Видно, на планету прилетел исследователь или турист и попал в землетрясение.

Ирия пошла вверх по ущелью и буквально в десяти шагах увидела остатки разбитого вдребезги планетарного катера.

Поняв, что в корабле никого нет, Ирия пошла дальше по течению ручья, от которого поднимались струйки пара. И вдруг замерла.

Под нависшей скалой лежал темноволосый молодой человек.

Он был неподвижен.

Ирия бросилась к нему, наклонилась и прижала ухо к его окровавленной, обожженной груди. Сердце молодого человека еле билось.

— Гай-до! — позвала она. — Он еще жив!

В две секунды Гай-до перелетел к Ирии, и девушка перенесла пострадавшего внутрь кораблика.

Ирия умела оказывать первую помощь. Она осмотрела раненого, вымыла его, перевязала, сделала укрепляющие уколы, но больше помочь ему не могла — ведь на Гай-до не было госпиталя.

Пока Ирия возилась с раненым, Гай-до помогал ей советами, так как в его памяти лежала медицинская энциклопедия. В то же время он внимательно смотрел по сторонам и старался отыскать в ущелье ответ на загадку: что могло случиться с молодым человеком? Почему он так изранен и обожжен? Ведь он был довольно далеко от своего катера. Верно, он посадил свой катер в ущелье, потом разбил там палатку и пошел по ущелью вниз. И тут что-то случилось... Недоброе предчувствие охватило Гай-до.

— Госпожа, — сказал он, — думаю, что нам лучше отсюда улететь. И как можно скорее.

— Я согласна, — сразу ответила Ирия. — Но дай мне еще десять минут: должны подействовать уколы, а я подготовлю раненого к взлету.

Гай-до согласился с хозяйкой и продолжал осматривать ущелье.

И тут он увидел в углублении скалы странный знак: кто-то вырезал на камне два кольца, соединенные двумя полосками.

— Госпожа! — воскликнул Гай-до.

— Не мешай, — сказала Ирия.

— Я вижу рисунок, — сказал Гай-до.

— Этого еще не хватало, — ответила Ирия. — Помолчи, раненый может в любой момент умереть.

Гай-до замолчал. Но не переставал думать.

Он знал о таком знаке. Это был знак странников. Тех самых загадочных странников, которые когда-то облетели всю галактику. Они оставили свои следы на многих планетах. Иногда это были развалины гигантских башен, иногда пустые обширные подземелья или широкие шахты. Иногда базы снабжения.

Сами странники исчезли, по подсчетам ученых, сто тысяч лет назад. Исчезли без следа, вернее всего, улетели за пределы галактики. Базы странников больше всего волновали ученых и кладоискателей. Какие невероятные богатства могучей цивилизации хранятся там? Но еще ни на одну базу не удалось проникнуть.

Знаком, означающим, что база рядом, были два кольца, соединенные двумя линиями. Первый раз, когда такую базу отыскивали, она оказалась пустой — странники все вывезли оттуда.

Вторую базу нашли нетронутой. Но как только постарались открыть ворота, ведущие туда, база тут же исчезла, взорвалась. Хорошо еще, что никто не пострадал. В третий раз разведчики были очень осторожны. Вместо того чтобы проникнуть через вход, они вырыли туннель сквозь скалы и увидели внутри много чудесного. Они даже успели кое-что сфотографировать, но тут раздался сигнал тревоги, такой громкий

и страшный, что нервы разведчиков не выдержали и они убежали. Как только последний из них покинул базу, раздался взрыв, и база исчезла. Вот и все, что известно. С тех пор многие экспедиции обыскивали самые отдаленные и дикие планеты в надежде увидеть два кольца на скале. Но пока безуспешно.

Гай-до, углядев два кольца, стал шарить электронными глазами по соседним скалам в надежде увидеть вход в базу. Он был очень любознательным кораблем.

Вскоре в глубокой расщелине он увидел черный провал, а возле него каменную плиту. Он понял: когда-то землетрясение разрушило вход в базу и некому было вернуться и починить его. Гай-до направил луч прожектора в черную расщелину и увидел смутные очертания круглой цистерны. Он знал по докладам разведчиков, что в таких цистернах странники хранили сверхтопливо для кораблей, которое позволяло достигать невероятных скоростей. Гай-до даже подумал: « Попрошу Ирию, пускай возьмет немного топлива для меня. Ведь для корабля хорошее топливо все равно что торт с кремом ».

И только он так подумал, как услышал голос своей госпожи:

— Гай-до, немедленно поднимаемся.

— Госпожа Ирия, — сказал Гай-до, — не могли бы мы немного задержаться? Я вижу открытый вход в базу странников. Может быть, мы там найдем кое-что интересное.

— Ты, по-моему, сошел с ума, — твердо сказала Ирия. — От наших действий зависит жизнь человека. Все базы странников не стоят этого. Приказываю стартовать.

И конечно, Гай-до немедленно стартовал.

Но полет домой оказался совсем не простым.

Только Гай-до начал удаляться от планеты, он увидел, что за ним несется боевая ракета.

— Тревога! — сказал Гай-до Ирии. — На нас напали!

— Сам принимай меры, — ответила Ирия. — Нашему раненому совсем плохо.

Гай-до и без того уже принял меры. Он резко увеличил скорость и изменил курс. Ракета не отставала. Вслед за ней неслась вторая. Неизвестные враги не хотели выпускать кораблик живым.

К счастью, они не знали, какой замечательный корабль сделали отец и дочь Гай. Любой другой давно бы погиб. Но Гай-до умудрялся увертываться от хищных ракет.

— Осторожнее! — закричала Ирия.

— Другого выхода нет, — ответил Гай-до, включая гравитационные двигатели, чтобы уйти в прыжок, где его не найдет ни одна ракета.

И за мгновение до того, как ракета дотянулась до него, Гай-до исчез. Он растворился в пространстве, перестал существовать, лишь его тонкие приборы продолжали трудиться, высчитывая ту долю секунды, когда надо выключить гравитационные двигатели, чтобы кораблик снова возник среди звезд у пределов своей планетной системы.

Через несколько часов после выхода из прыжка на экранах Гай-до возникла знакомая планета Вестер.

Глава 3

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ИРИИ ГАЙ

Гай-до опустился у госпиталя и вызвал врачей. Тут же раненого перенесли в реанимационную палату. Ирия хотела остаться с ним, но врачи ей не позволили. Они спешили сделать очень сложную операцию, без которой спасенный умрет.

К удивлению Гай-до, Ирия отказалась идти домой. Она осталась в коридоре больницы и ждала до самого вечера, пока операция не закончилась и хирург не сказал Ирии, что жизнь раненого вне опасности.

Гай-до отвез Ирию домой, она отыскала в холодильнике два замерзших, высохших бутер-

брода и съела их, запивая водой из-под крана. А потом легла спать, так и не обсудив с корабликом удивительные события на планете Пять-четыре.

На следующий день с утра Ирия снова поспешила в больницу.

Гай-до уверял госпожу, что это неразумно. Она ничем не может помочь молодому человеку. Лучше сдать все собранные материалы в геологическое управление и написать отчет об экспедиции. Но Ирия не стала его слушать.

Так прошло еще несколько дней. С утра Ирия бежала в больницу, а Гай-до весь день стоял в больничном парке и ждал, пока она кормила с ложечки молодого человека и меняла ему повязки.

Когда молодой человек пришел в себя, оказалось, что его зовут Тадеуш, что он — биолог, специалист по беспозвоночным животным. Он занимался проблемой происхождения жизни и поэтому опустил на Пять-четыре, которая показалась ему очень интересной. Он выбрал наугад дикое ущелье, вытащил из корабля палатку, перенес туда микроскоп и спальный мешок и начал исследовать ручей. Он так увлекся работой, что ничего не видел вокруг. Он даже не заметил знака из двух колец на скале прямо у него над головой.

Вдруг раздался страшный взрыв. Тадеуш обернулся и увидел, что от его катера остались дымящиеся обломки. Следующим взрывом его отбросило в сторону. Больше он ничего не помнил и очнулся только в больнице на планете Вестер. Рядом с ним сидела девушка, которую он сначала принял за юношу. Она была коротко острижена, ладони ее были в мозолях, упрямый подбородок исцарапан, на щеке шрам. Да и одежда на этой девушке была мужская. Движения ее были резкими, голос грубым. Тадеуш узнал, что именно эта девушка спасла его, и удивился, узнав от врачей, что она две недели не отходила от его постели. Но тут он заглянул в громадные сиреневые, окруженные черными длинными ресницами глаза этой девушки-юноши. И тут же понял, что все остальное — обман и пустая видимость. Настоящее — это сиреневые нежные глаза.

Он ничего не произнес, кроме слова «спасибо», потому что был еще очень слаб и сильно страдал. Все остальные слова он сказал взглядом. И самая мужественная женщина в галактике Ирия Гай вдруг почувствовала, как ее сердце остановилось, а потом начало биться, как пулемет. И она сказала:

— Можно я вам поменяю повязку?

Ничего этого кораблик Гай-до, который послушно стоял в парке, не знал. И не подозревал, какое страшное испытание готовит ему судьба.

На двадцатый день после операции Ирия сказала кораблю:

— Гай-до, я улетаю на Землю.

— Зачем?

— Надо отвезти Тадеуша на родину. Здесь для него неподходящий климат. А человеку лучше выздоравливать у себя дома.

— Но зачем вам лететь с ним, госпожа? — удивился Гай-до. — Жизнь Тадеуша вне опасности, а мы с вами еще не сделали отчета по экспедиции.

— Ты ничего не понимаешь, — раздраженно ответила Ирия. — Может быть, то, что я делаю для Тадеуша, в тысячу раз важнее, чем отчеты всех экспедиций, вместе взятых.

— Ты сделала для него все возможное, — сказал кораблик. — Пускай теперь о нем заботятся доктора на Земле. И всякие там нежные женщины, не годные для того, чтобы водить скутер, заниматься боксом и опускаться в жерла вулканов.

— Глупый железный болван! — закричала тогда Ирия. — Ты не понимаешь, как я жалею, что занималась боксом, но не умею варить суп.

А Тадеуш, оказывается, любит суп с клецками. Я знаю наизусть таблицу логарифмов, но совершенно не представляю себе, как пришить пуговицу, и не умею собирать землянику. А Тадеуш любит землянику.

— Тадеуш, Тадеуш, — ворчливо сказал кораблик. — Мир клином сошелся на этом Тадеуше! Самый обыкновенный биолог по беспозвоночным. Он тебе в подметки не годится. Я уверен, что ты бегаешь стометровку на три секунды быстрее его.

— Какой безнадежный железный дурак! — воскликнула Ирия. — Неужели недавно я сама была такой же?

— Поэтому мы и дружим, — сказал кораблик обиженно. — Хотя я никогда никому своей дружбы не навязывал.

На этом разговор и кончился. Гай-до понял, что Ирия непреклонна в своем намерении отвезти Тадеуша на Землю. Он смирился с этим и даже предложил самому отвезти Тадеуша, но Ирия заявила, что Тадеушу, видите ли, будет неудобно лететь в таком маленьком корабле, на котором нет ванны и мягкой постели.

На прощание Ирия договорилась с геологами, что, пока ее не будет, Гай-до поработает с ними. Она обещала вернуться, как только Тадеуш выздоровеет, и Гай-до, хоть и был расстроен

и обижен, скрыл свою обиду и полетел на соседнюю планету обследовать залежи цинковых руд.

Прошло полгода. Ирия все не возвращалась. От нее даже письма не было. Гай-до молча страдал. В экспедиции ему пришлось несладко. Геологи, конечно, знали, что он разумный корабль, но до чувств Гай-до им дела не было. Они использовали его как самый обыкновенный разведочный катер. Он возил почту, собирал образцы, обследовал долины и ущелья, работал честно, но без души. И с каждым днем росло его беспокойство. В своем воображении он строил ужасные картины: в них его госпожа попадала в катастрофы, погибала, тонула, разбивалась. Гай-до мучили кошмары, но не было рядом ни одного человека, которому можно было пожаловаться. Когда он просил знакомых геологов послать на Землю запрос, что случилось с его госпожой, они только улыбались. Им казалось смешным, что корабль беспокоится о человеке. Они говорили, что с Ирией все в порядке, но Гай-до им не верил.

И вот он решился.

Когда геологи вернулись из экспедиции и оставили кораблик на космодроме, Гай-до уговорил знакомых роботов привезти ему горячее. Роботы заправили его для дальнего полета.

У Гай-до были штурманские карты, и он представлял себе, где находится Земля. Как-то перед рассветом в дождливую ветреную ночь он тихонько поднялся с космодрома и взял курс к Земле. Разогнавшись в космосе, он включил гравитационные двигатели и совершил большой прыжок до самой Солнечной системы.

Настроение у Гай-до было приподнятым. Он очень надеялся, что его госпожа жива и тоскует по нему так же, как он по ней. Только не может дать о себе знать. Он предвкушал радостную встречу. Правда, его не покидала тревога. Он боялся встречи с патрульным крейсером или большим кораблем. Ему тогда зададут вопрос: что делает в космосе корабль без экипажа? Может, он потерял свой экипаж и скрывает это?

Когда на подлете к Солнечной системе Гай-до понял, что его преследует какой-то неизвестный корабль, он прибавил ход и постарался уйти от преследования.

Но корабль не отставал. Гай-до повернет влево, корабль тоже, Гай-до поднажмет — корабль тоже. Гай-до пытался рассмотреть название корабля, но названия не было. Оознавательных знаков тоже. И тогда Гай-до решил: помчусь скорее к Земле, а там видно будет. Он выжал из своих двигателей все возможное и начал удаляться от преследователя. Преследователю это

не понравилось. Он выпустил по Гай-до боевую ракету. Гай-до был настолько не готов к такому нападению, что на миллионную долю секунды опоздал принять решение...

Это было последнее, что он помнил. Страшный удар разорвал его борт. Воздух в мгновение ока пузырем вылетел из корабля, и Гай-до беспомощно поплыл в безвоздушном пространстве.

Преследователь хотел приблизиться к нему, но взрыв привлек внимание патрульного крейсера, который стартовал с Плутона. Поэтому преследователь быстро развернулся и сгинул в глубинах космоса.

Глава 4

НУЖЕН КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ!

Каникулы — лучшее время, чтобы поработать в свое удовольствие. Никто тебе не мешает, не отвлекает уроками и не отправляет спать в десять часов, потому что завтра рано вставать.

За день до каникул Аркаша Сапожков сказал Алисе Селезневой:

— Мне нужна твоя помощь.

Аркаша уже третий месяц вынашивал такую идею: космонавтам в дальних полетах и сотруд-

никам космических баз не достается арбузов, уж очень они велики и неудобны для перевозки. А арбузов всем хочется. Какой выход? Арбузы должны быть маленькими и по возможности кубическими. На месте их можно положить в воду, чтобы они быстро надулись, разбухли и стали настоящими. Теперь надо придумать, как это сделать.

С этой целью Алиса с первого июня засела с Аркашей за работу в лаборатории станции Юных биологов на Гоголевском бульваре в Москве.

Задача оказалась интересной и сложной. За первую неделю биологам удалось создать арбуз, который был размером с грецкий орех, а в воде становился большим, но, к сожалению, совершенно безвкусным. На этом работа застыла.

День был дождливый, грустный. Однорогий жираф Злодей сунул голову в открытое окно лаборатории и громко чихнул, жалуясь на непогоду. Из рта у него торчала ветка сирени.

— Аспирину дать? — спросила Алиса.

Она уже жалела, что согласилась помогать Аркаше: опыты грозили затянуться на все лето, потому что Аркаша — самый упрямый человек на свете. Он только на первый взгляд такой ти-

хий и застенчивый. Внутри его сидит негибачаемый, железный человек, который не признает слабостей и поражений.

Жираф отрицательно покачал головой и положил веточку сирени на стол перед Алисой.

Дверь в лабораторию распахнулась, и вбежал промокший Пашка Гераскин. Глаза его сверкали, волосы торчали во все стороны.

— Сидят! — воскликнул он. — Уткнулись носами в микроскопы. Прозевали событие века!

— Не мешай, — тихо сказал Аркаша.

— Буду мешать, — ответил Пашка. — Потому что я ваш друг. Если я вас не спасу, вы скоро окаменеете у микроскопов.

— Что случилось? — спросила Алиса.

— Я вас записал, — сообщил Пашка и уселся на край стола.

— Спасибо, — сказал Аркаша. — Не шатай стол.

— Я вас записал участвовать в гонках Земля — Луна — Земля, — сказал Пашка, болтая ногами. — Как вам это нравится?

— Нам это категорически не нравится, — ответил Аркаша, — потому что мы не собираемся ни за кем гоняться.

— Получился славный экипаж, — сказал Пашка, словно и не слышал Аркашиного

ответа. — Павел Гераскин — капитан, Алиса Селезнева — штурман, Аркадий Сапожков — механик и прислуга за все. Старт второго августа из пустыни Гоби.

— Теперь я окончательно убедился, — сказал Аркаша, — что наш друг Гераскин сошел с ума. Слезь со стола, наконец!

Пашка добродушно улыбнулся, слез со стола и сказал:

— Не надейтесь, я от вас не отстану. К тому же я ваш капитан. Вас интересуют условия гонки?

— Нет, — отрезал Аркаша.

— Расскажи, — произнесла Алиса, — что за гонки?

Пашка потрепал жирафа по морде.

— Первая брешь в вашей обороне уже пробита, — сообщил он. — Я и рассчитывал, что мой союзник — любопытство Алисы. Итак, объявлены гонки школьников. В них могут участвовать любые корабли, как самодельные, так и обыкновенные планетарные катера. Экипаж — не больше четырех человек. Первый приз — путешествие в Древнюю Грецию на первую Олимпиаду.

— Можно задать пустяковый вопрос? — Аркаша оторвался от микроскопа — все равно Пашку, пока не выскажется, не остановишь. —

А где у тебя корабль? Может, ты его за месяц построишь?

— Это деталь, — сказал Пашка. — Главное, что я получил ваше согласие. С таким экипажем мы победим.

— Никто тебе не давал согласия, — сказала Алиса. — Мы только задали вопрос.

— Чему нас учат в школе? — сказал Пашка. — Нас учат дерзать, думать и действовать. Почему вы не хотите дерзать? Вас плохо учили? Мы можем взять списанный планетарный катер и привести его в порядок.

— Чепуха! — воскликнул Аркаша. — Слишком просто. Наверняка другие уже полгода готовятся.

— Правильно, — сказал Пашка. — Я уже созвонился с Лю, это мой приятель, он учится в Шанхае. Они с зимы строят корабль.

— Вот видишь, — сказала Алиса.

— Потом я провидеофонил в Кутаиси. Резо Церетели сказал мне, что они взяли обыкновенный посадочный катер, оставили только шпангоуты и полностью его перестраивают.

— Вот видишь! — сказал Аркаша. — На что ты надеешься?

— На ваш ум и мою дерзость, — сказал Пашка. — Вы уже заинтересовались. Значит, полдела сделано.

— Мы ничем не заинтересовались, — сказал Аркаша. — Мы только хотим, чтобы ты все сказал и ушел. А у тебя есть идея?

— Конечно, есть, — рассмеялся Пашка. — Мне только нужно было, чтобы ты оторвался от микроскопа, а у Алисы в глазах загорелись лампочки. Своего я добился. Мы летим на свалку.

— Вот теперь я окончательно убедился, — сказал Аркаша, — что мой друг Гераскин сошел с ума. Во-первых, на свалку нас никто не пустит. Во-вторых, на свалке уже побывали конкуренты и ничего там подходящего не осталось. В-третьих, мы все равно не успеем.

— Хо-хо-хо! — взревел в восторге Пашка. — Вы у меня на крючке! Во-первых, я получил разрешение осмотреть свалку, и не спрашивайте меня, как мне это удалось. Во-вторых, мы ничем не рискуем. А вдруг нам подойдет то, на что другие не обратили внимания? Летим?

— Никуда я не полечу, — сказал Аркаша. — И Алиса тоже.

— Он тебе приказывает! — сказал коварный Пашка.

— Я слетаю с Пашкой, — сказала Алиса. — Все равно я хотела проветриться. Туда и обратно.

— Туда и обратно, — подтвердил Пашка. — Аркаша, ты слышишь: туда и обратно.

— Сегодня вернемся? — спросил Аркаша. — А то мама будет волноваться.

— Какие могут быть сомнения! — ответил Пашка.

Алиса уже поднялась и натягивала плащ.

Аркаша поглядел на своих друзей, вздохнул и принялся отключать приборы. Он не верил в Пашкины дикие идеи, он никуда не хотел улетать от своих кубических арбузов, но выше всего на свете Аркадий Сапожков ценил дружбу.

Пашкин флаер стоял у входа в лабораторию.

Дождик моросил по веткам берез, большие капли воды скапливались на длинных пальмовых листьях и тяжело срывались вниз. Под елочками таились сморчки. Жираф Злодей проводил друзей до флаера и с печальным видом глядел, как они забирались внутрь. Видно, догадался, что они летят в Африку.

Пашка набрал код свалки, машина резко взяла вверх и понеслась, увеличивая скорость, на юго-запад.

Глава 5

СВАЛКА В САХАРЕ

На западе великой пустыни Сахара, на плато Тассили, в одном из самых диких и сухих мест на Земле, несколько квадратных километров

каменной пустоши огорожено: туда свозят космические корабли, которым не суждено больше подняться в небо.

Там есть суда, отслужившие свой век, есть неудачные модели, отвергнутые конструкторами, есть корабли, потерпевшие аварию, а есть и корабли, попавшие туда неизвестно как. Всего их на свалке несколько сот.

Зачем нужна такая свалка? Не лучше ли переплавить весь этот хлам и не загромождать пустыню?

Но это не хлам! Это великолепная лаборатория. Название «свалка» придумал неизвестный шутник. Оно прижилось, и никто не видел в нем ничего обидного.

Туда часто прилетают гости. Конструкторы, которые проектируют новые машины, чтобы учиться на ошибках своих коллег или отыскать ответ на трудную конструкторскую задачу. Историки, которые пишут книги о завоевании космоса. Киносъемочные группы, чтобы снять кадр отлета настоящего корабля. Metallурги, чтобы узнать, каковы свойства того или иного металла, побывавшего в космосе. Наконец, туристы со всех концов света.

Вот куда держал курс флаер Пашки Гераскина.

Летели долго, часа полтора. Сначала под флаером проплыли зеленые поля Украины, по-

том за Одессой он вышел к Черному морю и снизился над болгарским городом Варна. Море было теплым и синим, всем захотелось искупаться, но пришлось от этой мысли отказаться, а то вернешься в Москву ночью, родители будут беспокоиться. Еще через несколько минут флаер сделал круг над греческой столицей Афины. В Афинах уже начался туристский сезон — небо над городом было буквально набито флаерами, воздушными автобусами и глайдерами. Особенно много их было над знаменитым храмом Парфеноном.

Пашка обогнул Афины с запада, и вскоре флаер вылетел к Средиземному морю. Италию увидели на горизонте, зато заглянули в жерло спящего вулкана Этна на острове Сицилия. От Сицилии уже рукой подать до Африки.

Показался рыжий берег Алжира, усеянный зелеными точками апельсиновых деревьев, устланный квадратами пшеничных полей и садов. Флаер взял южнее, и постепенно зелень стала реже, пошли пустынные пейзажи, лишь изумрудные полосы пальм вдоль каналов и дорог доказывали, что в Сахаре живут люди.

Алиса глядела на друзей и думала, что они все-таки похожи. Бывает же так: совсем не похожи, а на самом деле похожи. Трудно найти более разных людей: у Пашки глаза голубые, у Аркаши

карие, Пашка белобрысый, волосы прямые, непослушные. У Аркаши темно-рыжая шевелюра, завитая, как у барашка. Его в детстве бабушка так и звала: «Аркашка-барашка». А кожа у Аркаши очень белая, почти голубая, усыпанная крупными веснушками. У Пашки лицо непонятного цвета. Потому что этот цвет все время меняется. Пашка легко краснеет, мгновенно бледнеет, быстро загорает, и тогда его курносый нос становится малиновым. Пашка ни секунды не сидит на месте — он весь в движении, всегда куда-то несется, часто сначала делает, а потом думает, из-за чего попадает в неприятные ситуации. Аркаша рассудителен, спокоен, редко повышает голос и может замереть на час, задумавшись. Оба любят придумывать, изобретать, но Пашка думает сразу о десяти вещах и изобретает одновременно вечный двигатель, невидимые шпаргалки и блинопереворачиватель. Поизобретает минут пятнадцать — и спешит на хоккейный матч. Аркаша занимается только теми проблемами, которые намерен решить. И решает, даже если полгода приходится просидеть в лаборатории. Пашка и Аркаша вечно ссорятся, спорят, чуть до драки дело не доходит, но при том остаются лучшими друзьями.

Флаер начал спускаться к плоскогорью, с трех сторон окруженному мрачными скалами. Свер-

ху могло показаться, что они подлетают к детской площадке гигантов. Гигантские дети играли разноцветными корабликами и шариками, а потом убежали, разбросав игрушки. «Обитатели» свалки были всех возможных форм и размеров — от небольших спасательных и разведочных катеров до пассажирских лайнеров. Одни поблескивали металлом или были ярко раскрашены, другие потемнели от времени и космических передряг.

Флаер опустился возле проходной, что расположилась в небольшой летающей тарелочке. Как только флаер коснулся земли, послышался звонок, и люк в тарелочке распахнулся. Курчавая девичья головка появилась в люке, и дежурная сказала:

— Салам алейкум.

— Здравствуйте, — ответил Пашка, первым выскочивший из флаера.

— Добрый день, — сказала девушка по-русски.

Она увидела московский номер флаера и сразу перешла на русский язык. Ничего удивительного — все работники международных организаций знают десять основных земных языков, не считая космолингвы, на которой говорят в галактике. Дежурная на свалке, которую звали Джамия, знала тридцать шесть земных и семь

галактических языков и так любила учить новые, что специально пошла работать в пустыню, чтобы можно было заниматься в тишине.

— Вам звонили, — сказал Пашка. — Мы из московской школы и ищем космический корабль для гонок.

— Одну минутку, — сказала девушка.

Видно было, как она включила дисплей.

— «Павел Гераскин, — прочла она, — и сопровождающие его два лица: Алиса Селезнева и Аркадий Сапожков». Проходите.

Алиса и Аркаша открыли рты от удивления и молча прошли за Пашкой в открытые двери свалки.

Только внутри Алиса пришла в себя и спросила Пашку:

— Гераскин, что все это значит?

— А что?

— Не только тебя пустили, — сказал Аркаша, — но и знали, что мы с тобой прилетим. А ведь мы ни на секунду не разлучались с того момента, как ты вошел в лабораторию на Гоголевском бульваре.

— Все гениальное просто, — ответил снисходительно Пашка. — Мне помогло знание людей. Утром я узнал о гонках. Через час я принял решение в них участвовать. Затем мысленно подобрал себе экипаж и тут же позвонил на свалку.

Было жарко, дул сухой ветер, Пашка отошел в тень громадного космического лайнера и продолжал:

— Если бы мы пришли сюда как маленькие дети и стали просить: «Пустите нас, тетенька», — дежурная ни за что бы нас не пустила. Но я сказал ей по телефону: «В шестнадцать по местному времени к вам прибудет группа из Москвы в составе Гераскина и сопровождающих его лиц. Вы записали?» И что она ответила? Она ответила: «Хорошо, я записала». Остальное — дело техники.

— Что дело техники? — спросила Алиса.

— Я пошел к вам и сказал, что мы участвуем в гонках. Вы сразу бросили все свои арбузные дела и помчались в Сахару. Яснее ясного.

— Аркаша, я его сейчас убью! — сказала Алиса. — Он еще над нами издевается.

— Он совершенно прав, — сказал Аркаша. — Он нас обманул, соблазнил, провел за нос, потому что заранее знал, что мы, как послушные овцы, полетим в Сахару.

— Прекратить пустые разговоры! — сказал Пашка. — Времени в обрез. Папочки и мамочки ждут нас ужинать, а мы еще не нашли себе подходящего космического корабля. В путь, капитаны!

Ну что тут будешь делать? Аркаша с Алисой улыгнулись и пошли по жаркой пустыне искать космический корабль.

Солнце палило яростно, и приходилось перебегать от корабля к кораблю, чтобы отдышаться в тени.

Хорошо смотреть на свалку с неба — скопище маленьких игрушек.

Вблизи все было иначе — над друзьями нависали бока громадных кораблей. Только пройдешь мимо одного, выплывает новая громада.

Корабли образовали странный сказочный город. Улиц в нем не было, дорога вилась между гигантами и карликами, между сверкающими космическими щеголями и унылыми развалюхами.

Идти по такому городу с Пашкой, который бредил космонавтикой, было нелегко, потому что через каждые сто шагов он останавливался и восклицал:

— Ребята, глядите! Это же «Титанус». Привет, старина! Как ты отдыхаешь после последнего рейса к Черной дыре? Ребята, заглянем на минутку внутрь?

— «Титанус» как «Титанус», — отвечал всезнающий Аркаша. — Грузопассажирский второго класса, спущен со ступеней греческого завода на Луне 16 ноября 2059 года, ходил

к поясу астероидов. Совершил один рейс за пределы Солнечной системы, после чего списан. Если мы полезем его осматривать, то не вернемся домой до завтра.

— Ты не романтик! — бушевал Пашка. — Тебе сидеть дома и разводить квадратные арбузы!

— А я сюда не просился.

— Как хочешь, а я обязан заглянуть на капитанский мостик «Титануса». Ведь именно там стоял капитан Синос, когда снимал с Ганимеда группу Вижека.

Нетрудно догадаться, что в конце концов Пашка уговорил своих друзей побывать на «Титанусе».

Капитанский мостик «Титануса» их разочаровал. Все ценные приборы были сняты, в шахтах повисли лифты, работало только дежурное освещение, в коридорах было полутемно, мрачно и пахло пылью. Навстречу пронеслась по коридору разбуженная летучая мышь. Пашка даже присел от неожиданности, а когда Алиса рассмеялась, обиженно объяснил, что он боялся ушибить редкое животное, вот и наклонился.

На мостике Пашка постоял перед пустым темным экраном и сказал, что видит на нем отпечаток звездного неба. Спорить с ним не стали.

Когда выбрались наружу, солнце начало клониться к гряде скал, ветер затих, и стало еще жарче. Пройдя с полкилометра и не обнаружив ничего подходящего, ребята спрятались в тень у скалы, и Алиса сказала:

— Только наивные дети могли не догадаться, что в пустыне им захочется пить.

— Мы и есть наивные дети, — мрачно ответил Аркаша. Он задумчиво глядел вдаль. Мысленно он уже вернулся в лабораторию.

Пашка вытер пот рукавом, поднял камешек и кинул его в щель под скалу. Вдруг оттуда выкатился серый футбольный мяч и шустро покатился прочь.

— Аркаша, что это? — воскликнул Пашка.

— Не знаю, — ответил Аркаша, который даже не удивился. — В Сахаре таких не водятся.

— Наверное, что-то инопланетное, — сказала Алиса. — Остались споры в каком-нибудь корабле, вот и вывелось.

— Что ты говоришь! — воскликнул Пашка. — Ты понимаешь, что говоришь! Значит, какой-то корабль плохо продезинфицировали, и теперь Земле грозит страшная опасность. Эти мячи размножатся, и нам придется с ними воевать. Надо его поймать.

Пашка побежал в ту сторону, куда скрылся мяч, но ничего не нашел. Только запыхался и вспотел.

Они побрели дальше по свалке.

Вокруг стояли корабли — круглые, кубические, длинные и короткие, цилиндрические и веретенообразные, целые и разбитые. Два раза им попались небольшие катера, но один из них был стареньким и тихоходным, на таком не только до Луны, до Одессы не долетишь, а другой оказался в таком состоянии, что проще построить новый, чем восстанавливать.

Солнце уже садилось, от кораблей протянулись длинные тени.

Наконец Аркадий остановился у очередного космического колосса и сказал:

— Все. Мы возвращаемся. Очередная Пашкина идея оказалась блефом.

— Аркадий прав, — сказала Алиса. Ей так хотелось пить, что слюны во рту не осталось, язык еле ворочался.

Пашка молчал, не спорил. Он замер. Он так смотрел через плечо Аркаши, словно увидел привидение.

Алиса обернулась.

Там стоял небольшой планетарный корабль, подобного которому видеть раньше им не приходилось.

Он был похож на мятый желудь, проеденный червяком, в его боку у самой земли чернела дыра диаметром в два метра.

— На этом замечательном корабле, — сказал Пашка, — мы выиграем гонки.

— Ты перегрелся, — ответил Аркаша. — Ты слишком долго был на солнце.

Глава 6 РАЗУМНЫЙ КОРАБЛЬ

Аркаша сначала и смотреть на корабль не хотел, не то что лезть в него. Он устал, измучился от жажды и желал только одного: скорей вернуться домой. Алиса была с ним согласна. Но Пашка настаивал:

— Мы летели через всю Европу, чтобы посмотреть на корабли, мы третий час бродим по Сахаре. И зачем? Только для того чтобы уйти за шаг до цели? Мы же никогда себе не простим, если не осмотрим корабль. А может быть, его можно починить? Поглядите, это же совершенно необыкновенное судно! Такого нет ни в одном справочнике! Ну ладно, оставайтесь здесь, а я загляну. На минутку. Мне он очень нравится.

— Тут нечему нравиться, — сказал Аркаша. — С таким же успехом можно любоваться ржавым паровозом.

Пашка решительно направился к кораблику, подтянулся, схватившись за оплавленные края дыры, и скрылся внутри.

— Я тоже погляжу, — сказала Алиса, — скучно стоять.

— Иди, — мрачно ответил Аркаша. — Глупости все это.

Алиса заглянула в черную дыру.

— Пашка, — позвала она. — Что там?

— Ничего не вижу, — ответил Пашка. — Фонарь во флаере остался.

— Вылезай, — сказала Алиса, — еще ногу сломаешь.

И в этот момент впереди, откуда доносился голос Пашки, зажегся под потолком плафон. И сразу стала видна фигура Пашки, стоявшего среди покореженных остатков мебели и приборов.

— Вот видишь, — сказал Пашка, — еще не все потеряно.

— Интересно, почему загорелся свет? — сказала Алиса, забираясь в корабль.

— Не знаю, — сказал Пашка, пробираясь вперед. — Погляди, пульт управления почти цел. Только надписи на непонятном языке.

Алиса подобралась поближе к другу. Она отвалила в сторону сломанное пилотское кресло и поглядела на пульт. Пульт и в самом деле был почти цел. Надписи были сделаны на каком-то инопланетном языке. И в этом тоже не было ничего удивительного. На свалке встречались корабли с других планет. Те, что потерпели крушение у Солнечной системы или были оставлены экипажами, а потом были подобраны буксирами-чистильщиками и привезены на свалку.

— Надо осмотреть двигатели, — сказал Пашка.

— Если это инопланетный корабль, — сказала Алиса, — нам тут делать нечего — откуда мы знаем, как им управлять?

С трудом они пробрались в двигательный отсек. Там обнаружили Аркашу. Конечно же, тот не утерпел и тоже залез в корабль. К сожалению, дела в двигательном отсеке никуда не годились. Гравитационный двигатель был сорван ударом со станин, и на нем была большая вмятина. Хорошо еще, что планетарные двигатели остались целы.

— Ну, все ясно? — спросил Аркаша. — Теперь можно уходить?

— Ничего не ясно, — ответил упрямый Гераскин. — Ведь условие гонок — пользоваться

только обычными планетарными двигателями. Гравитационными пользоваться нельзя. А обычные двигатели в порядке.

— Все! — сказал решительно Аркаша. — Я с тобой расстаюсь, и навсегда. Я не могу дружить с легкомысленным авантюристом.

— Аркаша прав, — сказала Алиса, — починить корабль нельзя. Придется ему доживать свой век на свалке.

И она первой побрела к выходу.

За ней последовал Аркаша. Пашка задержался еще на несколько секунд в двигательном отсеке. Но, видно, и он понял — ничего не выйдет. Он сказал кораблю:

— Прости, друг. Мы не виноваты.

И тоже пошел к выходу.

Вдруг они услышали негромкий, низкий голос:

— Не уходите, пожалуйста.

Слова прозвучали на галактическом языке — космолингве, который ребята, конечно, знали.

— Это кто говорит? — вздрогнул Пашка.

— Это я, корабль, — послышался ответ. — Я очень прошу вас задержаться, люди. У меня создалось впечатление, что вы намеревались использовать меня для полета, но мое прискорбное состояние вас напугало.

— Вот это да! — сказал Пашка. — Ребята, погодите! Это говорящий корабль.

— Мы слышим, — сказала Алиса, которая была удивлена не меньше Пашки. Бывают роботы, бывают разного рода разумные машины, но ей еще никогда не приходилось разговаривать с кораблем.

— Я не только говорящий корабль, — продолжал голос. — Я разумный корабль. И мой мозг совершенно цел. Я помогу вам меня починить.

Никто не знал, что ответить.

И тогда Пашка задал глупый вопрос.

— Послушайте, — сказал он. — А у вас воды нет? Ужасно пить хочется.

— Нет, — ответил кораблик, — воды у меня, к сожалению, нет. Синтезатор тоже вышел из строя.

— Жалко, — сказал Пашка.

— А вас где построили? — спросила Алиса.

— Я вам все расскажу, только не бросайте меня. Я не могу больше оставаться здесь. Я очень много знаю. Я — уникальное создание. Я — жертва несчастной любви, — ответил кораблик.

Все так удивились, что даже Пашка не засмеялся.

— Простите, — сказал тогда Аркаша, — но нам пора улетать, иначе мы вернемся домой ночью.

— Вы меня бросите? — спросил корабль, и Алисе показалось, что его голос дрогнул.

И тогда Алиса представила себе, что живое существо — а если ты обладаешь разумом, значит, ты живое существо, пускай даже металлическое, — очень боится остаться одно в этой пустыне, на кладбище кораблей. Ей стало жалко этот разбитый кораблик. И она ответила за всех:

— Мы к вам обязательно вернемся.

— Завтра, — сказал Пашка.

Аркаша промолчал, но понятно было, что он не оставит друзей.

— До свидания, кораблик, — сказала Алиса, спрыгивая на камни.

— Меня зовут Гай-до, — ответил кораблик.

Солнце уже спустилось к острым зубцам скал, стало чуть прохладнее, и ребята побежали к выходу. Сил не осталось, язык присох к нёбу, и очень хотелось скорее выбраться из этого мертвого города.

Из последних сил они добрались до проходной.

— Как вы долго, — сказала Джамия, — я уже думала посылать за вами робота. А то у нас в прошлом году один мальчик забрался в корабль и спрятался там, думал, что сможет один улететь. Правда, смешно? Пить хотите?

— Ужасно, — сказал Пашка.

— Тогда заходите ко мне.

Когда ребята поднялись в летающую тарелочку, Джамиля уже открыла банки с холодным апельсиновым соком и поставила их на столик. Она с интересом смотрела, как ее гости проглотили сок, и только повторяла:

— Пожалуйста, пейте глоточками, а то обязательно простудитесь.

Допив сок, будущие гонщики поставили пустые банки на стол и посмотрели на Джамилю так, что она без слов открыла холодильник и достала еще три банки.

На этот раз они пили медленнее.

Джамиля спросила:

— Нашли, что вам нужно?

— Не знаем, — сказала Алиса.

— На той неделе прилетали сюда ребята из Франции, — сказала Джамиля, — но ничего не нашли.

— А скажи, — Пашка поболтал в банке остатками сока, — можно узнать, как к вам попал один корабль?

— Конечно, — сказала Джамиля, — если я знаю.

— Планетарный катер в шестом секторе, — сказал Аркаша. — У него большая дыра в боку.

— Бедненький, — сказала Джамиля, — его подобрали возле Плутона. Совсем недавно,

полгода назад. Бортового журнала на нем не нашли, и, судя по всему, он был оставлен или потерян в космосе.

Джамиля включила дисплей, на котором появилось изображение кораблика, который называл себя Гай-до.

— Его осматривали эксперты. Язык надписей на его приборах вестерианский. Туда отправлен запрос, но пока что мы не получили ответа. Кораблик — нераскрытая тайна. Но он так разбит, что его уже никогда не восстановить.

— А если мы попробуем? — спросил Пашка.

— Разрешение надо спрашивать не у меня, — улыбнулась Джамиля. — Еще соку дать?

Алиса и Аркаша отказались, но Пашка выпил еще одну банку, про запас.

Когда они собрались уходить, Алиса спросила:

— А этот кораблик... он не разговаривает?

— Что? — удивилась Джамиля. — Корабли не разговаривают.

— Не обращай внимания, — сказал Пашка. — Алиса перегрелась на солнце. До свидания, мы завтра прилетим.

— Прилетайте, — сказала Джамиля. — А если у вас дома случайно найдется русско-китайский словарь, я буду вам очень благодарна.

— Хоть три словаря! — заявил Пашка и начал подталкивать друзей к выходу.

Когда они уже поднялись в воздух и взяли курс навстречу надвигавшейся с востока ночи, Пашка сказал:

— Ну и язык у тебя, Алиса.

— А что я сказала?

— С кораблем Гай-до связана тайна, он не хочет никому, кроме нас, показывать, что он разумный, значит, у него есть основания. А ты сразу начала у Джамили спрашивать.

— Мне это не нравится, — сказал Аркаша. — Машина не может обманывать людей.

— И эти странные слова о несчастной любви, — добавила Алиса, глядя, как далеко внизу, на берегу моря, зажигаются вечерние огоньки.

Глава 7

ГАЙ-ДО РАССКАЗЫВАЕТ

На следующий день Алиса и ее друзья с утра вернулись в Сахару.

Аркадий взял в лаборатории приборы, чтобы исследовать корабль и понять, насколько серьезно он поврежден. Павел вез с собой инструменты, чтобы наладить на корабле вентиляцию. Алиса захватила на всех еду и русско-китайский

словарь. К тому же по дороге они спустились на окраине Афин у рынка, купили там апельсинов, маслин и целый ящик ранних овощей и фруктов.

Джамиля встретила гостей из Москвы как старых знакомых. Она даже не садилась завтракать — ждала их. Так что овощи из Афингодились. А русско-китайский словарь привел ее в восторг.

Конечно, Джамиля не верила, что корабль можно починить, но ей нравилось упорство в других. Она даже разрешила перелететь на флаере к самому кораблику, что обычно на свалке не разрешалось.

Флаер мягко опустился возле Гай-до.

Алиса первой выскочила из него.

Было еще прохладно, солнце невысоко поднялось над скалами и грело мягко, по-московски. По небу медленно плыли перистые облака. В колючих кустах, что росли между кораблями, щебетали птицы.

— Здравствуй, Гай-до, — сказала Алиса. — Мы вернулись.

— Доброе утро, — откликнулся кораблик. — Я рад вас видеть.

Алиса не заметила ничего странного в ответе кораблика. Но Аркаша был внимательнее.

— Ого! — сказал он. — Когда ты научился говорить по-русски?

«И в самом деле! — сообразила Алиса. — Ведь еще вчера кораблик разговаривал с нами на космолингве».

— У меня было время проанализировать ваши вчерашние разговоры, — ответил кораблик. — Вы сказали достаточно слов, чтобы я научился. Чего только не сделаешь за длинную пустынную ночь!

— Молодец! — сказал Пашка, выгружая из флаера инструменты. — А я никак английский выучить не могу.

— Наверное, у вас другие интересы, — вежливо сказал корабль.

— Интересов у него миллион, — улыбнулась Алиса.

Аркаша включил лазерную камеру и пошел вокруг корабля, снимая его со всех сторон, чтобы сделать потом голографическую копию.

Только он шагнул за корабль и скрылся из глаз, как раздался его крик:

— Это еще что такое!

Из тени выкатился серый мяч и быстро покатился прочь.

— Опять! — сказала Алиса. — Он тебя не укусил?

— По-моему, у него нет рта.

— Обязательно надо будет с Джамилей поговорить, — сказала Алиса. — Это какая-то мутация.

— Я полезу внутрь, — сказал Пашка, вытаскивая из флаера ворох инструментов. — Посмотрим, что можно сделать.

— Погодите, — сказал корабль, — вы в самом деле хотите меня отсюда взять?

— Мы еще не знаем, — сказала Алиса, — можно ли будет тебя починить.

— Мне бы хотелось, чтобы вы меня починили, — ответил корабль. — Я постараюсь вам помочь. Поднимитесь ко мне на мостик. Я покажу, как наладить информационный дисплей. Я расскажу вам грустную историю моей жизни.

Алиса с Пашкой пробрались к пультам управления, и Гай-до сказал им, как открыть бортовой шкафчик, где хранилась запасная трубка к разбитому дисплею. Вдвоем они за полчаса привели дисплей в порядок.

— Слушайте... — сказал Гай-до, когда дисплей загорелся зеленым цветом. На нем появилось изображение пожилого лысого человека с сиреневыми глазами. — Вы видите знаменитого конструктора Самаона Гая с планеты Вестер... — начал свой рассказ Гай-до. — Ему очень хотелось, чтобы у него родился сын...

Гай-до закончил долгий рассказ вопросом:

— Люди, ответьте мне: почему она покинула меня и не вернулась? Может, она погибла?

— Скорее всего, — сказал Аркаша, — Ирия Гай жива и здорова. Но погибла для науки. Она предпочла ей и тебе обыкновенного мужчину.

— Но это предательство! — воскликнул корабль.

— Не укоряй ее, — сказала Алиса. — Может, это любовь. Я читала, что ради любви люди совершали странные поступки. Ты не слышал про Ромео и Джульетту?

— Нет, — сказал корабль. — Они тоже конструкторы?

— Это случилось очень давно, — сказала Алиса. — Они погибли...

— Не путай, — прервал Алису Пашка. — Как можно из-за какой-то любви забыть о друге и о работе? Я эту Ирию презираю. Забыть ее надо.

— О нет! — возразил корабль. — Я ее никогда не забуду!

— Надо взять себя в руки, — сказал рассудительный Аркаша. — Если это любовь, то она скоро пройдет.

— Ты наивный, Аркаша, — сказала Алиса. — Ты еще никогда не любил.

Аркаша внимательно посмотрел на Алису и спросил:

— А вас, девушка, не Джульеттой зовут?

Пашка расхохотался, а корабль обиженно замолчал, потому что не очень приятно слушать смех, когда рассказываешь о своих чувствах.

— Ты очнулся только здесь? — спросила Алиса.

— Да.

— А почему ты скрыл от людей, что ты разумный?

— В первые недели я потерял дар речи. Ум мой работал еле-еле. Я тяжело болел. Меня осматривали инженеры, но они решили, что я погиб где-то в глубинах космоса, и меня принесло к Земле звездными течениями. Так что я стою здесь как неопознанный обломок, который не представляет интереса для науки.

— А почему ты молчал, когда к тебе вернулась речь? — спросил Пашка.

— Я о многом передумал. Я не знаю, кто на меня напал и почему. Может быть, у вас на Земле есть злобные люди, которые уничтожают гостей?

— Ты с ума сошел! — воскликнул Пашка.

— А вдруг это был заговор против моей госпожи? Вдруг кто-то не хотел, чтобы я ее нашел? Сначала я решил выздороветь, а потом уже действовать. Пока что я начал зарашивать дыру в борту. Еще неделю назад дыра в моем боку была вдвое больше. Я не бездельничаю, не сдаюсь на милость судьбы.

— И тут ты увидел нас, — сказал Пашка. — И решил нас использовать.

— Это вы решили меня использовать. Наверное, мне повезло. Если вы меня почините, я сделаю все, что вам нужно, а потом полечу дальше, искать госпожу Ирию.

— Правильно, — сказал Пашка.

— Неправильно, — возразил Аркаша.

— А в чем дело?

— Неужели ты не понял? — ответила за Аркашу Алиса. — Первым делом мы должны найти Ирию Гай.

— Что я слышу! — прошептал корабль. — Неужели в вас столько благородства?

— Это естественно, — сказал Аркаша. — Если у тебя несчастье, мы должны помочь.

— Но ведь я совсем чужой, и к тому же не человек, а корабль.

— Какая разница! — воскликнула Алиса. — Ты переживаешь, как самый настоящий человек.

— Погодите, погодите, — сказал Пашка, — что за спешка? А где гарантии, что этот катер не бросит нас, как только найдет свою госпожу? Мы тут будем стараться, трудиться и останемся без гоночного корабля.

— Как тебе не стыдно! — сказала Алиса.

— Паша прав, — сказал корабль. — Хоть и печально, что он плохо обо мне думает. Я даю слово, что буду вам честно служить.

— Не слушай Пашку, — сказала Алиса. — Ты лучше расскажи все, что знаешь об Ирии, чтобы нам легче было ее отыскать.

На дисплее возникло лицо молодой женщины. Лицо было красивым, решительным, волосы подстрижены очень коротко, на щеке небольшой шрам.

— Ее легко отличить от остальных женщин, — произнес Гай-до. — Она всегда ходит в мужской одежде, говорит редко, но метко, иногда даже употребляет грубые слова. Шаги широкие, спина прямая, любимые занятия: стрельба из пистолета, верховая езда, бокс и поднятие штанги... Ладони мозолистые, отлично обращается с рубанком и топором, владеет приемами смертоносной борьбы вейко. Это самая мужественная женщина во всей галактике, и лишь по недоразумению она родилась не мужчиной.

— Вот это да! — сказал Пашка. — Хотел бы я иметь такую сестру.

— А что ты знаешь о Тадеуше? — спросила Алиса.

— Тадеуш — он и есть Тадеуш. — В голосе корабля прозвучало презрение. — Обыкновен-

ный биолог, таким не место в галактике, даже за себя постоять не может.

На дисплее показалось лицо приятного молодого человека, голубоглазого, курчавого, скуластого, с грустными глазами.

— Он очень обыкновенный, — сказал корабль. — Такой обыкновенный, что даже смотреть не на что.

— Тадеуш, — сказал Аркаша. — Наверное, из Польши.

— Не играет роли, — твердо ответил корабль. — Он недостойн моей госпожи.

Глава 8 САД ПОД ВРОЦЛАВОМ

На следующий день Пашка с Аркадием с утра снова улетели в Сахару, а Алиса отправилась в центральный информаторий, чтобы разыскать Ирию.

Оказалось, что это не так просто.

Во-первых, никакой Ирии Гай на Земле не было.

Женщин же по имени Ирина, Ирия, Ира и Ираида жило на планете слишком много. А какая из них нужна, не угадаешь.

Стали искать Тадеуша.

Но в Польше обнаружили триста двадцать тысяч восемьсот четыре Тадеуша самого разного возраста, и из них несколько тысяч побывали в космосе, потому что, как известно, поляки любят путешествовать.

Тогда девушка, которая занималась поисками Ирии, попросила Алису подождать, пока она свяжется с Управлением космической разведки. Алиса пошла к автомату с мороженым, выбрала себе трубочку сливочного, покрытого ананасовым желе с тонкой хрустящей леденцовой корочкой. Не успела она доесть мороженое, как девушка позвала ее.

— Кое-что проясняется, — сказала она. — В Управлении мне сказали, что один Тадеуш Сокол числится в списках космобиологов по беспозвоночным. Он летал в экспедицию к системе Прокл, был ранен, лечился, полтора года назад вернулся на Землю. Сейчас живет возле города Вроцлав в поселке Стрельцы. Вот координаты.

Девушка нажала на кнопку, и из-под дисплея вылетела карточка со всеми данными. На обороте карточки было написано, как долететь из Москвы до поселка Стрельцы во Вроцлавском воеводстве, с расписанием подземки, аэробуса и координатами флаерной станции.

Алиса доела мороженое и взяла на стоянке флаер. Конечно, флаером лететь до Стрельцов

немного дольше, чем добираться подземкой. Но подземка идет только до Вроцлава, а там надо пересаживаться. На флаере можно не спеша долететь прямо до нужного дома. Заложил в него карточку, полученную в информационном центре, остальное он сам найдет.

Настроение у Алисы было отличное, она предвкушала, как обрадуется Ирия, узнав, что ее кораблик на Земле.

Флаер сделал круг над поселком. Справа виднелись небоскребы и соборы Вроцлава, далее начиналась зеленая зона — деревья были покрыты молодой листвой, лес был светлый, пронизанный солнцем. Алиса опустила флаер на поляне и пошла через лес к нужному дому. Она не спешила. Уж очень ей тут понравилось. В лесу было свежо, из травы поднимались ландыши. Алиса рвала заячью капусту и жевала кислые мягкие листочки. В траве зашуршал ежик и смело вышел на прогалину, не обращая на Алису внимания. На иголках у него были смешно наколотые листья. Алиса догнала ежика и сказала:

— Какой ты неаккуратный!

Ежик фыркнул, обиделся и шустро побежал прочь.

Алиса засмеялась.

Светило солнце, ветер был упругий, но не холодный, шумели листвою березы.

По тропинке от поселка шла женщина в сарафане. Она катила перед собой детскую коляску. В коляске лежал совсем маленький малыш, держал в руке погремушку и так внимательно смотрел на нее, словно решал математическую задачу. Алиса поздоровалась с женщиной, спросила по-русски, как зовут малышку.

— Ванда, — сказала женщина. Может, женщина и не знала русского языка, но каждому ясно, что у тебя спрашивают, если смотрят на твоего ребенка и притом улыбаются.

— Скажите, — Алиса вынула информационную карточку, — как пройти к дому Тадеуша Сокола?

— Тадеуш Сокол? — повторила женщина тихим, очень нежным голосом.

Алиса залюбовалась ею. Она была такая воздушная и нежная. Длинные пышные волосы легко касались загорелых плеч, сарафан мягкими складками прилегал к стройному телу. У женщины были странные глаза сиреневого цвета в длинных черных ресницах.

— О! — сказала женщина. — Тадеуш Сокол. Это есть мой муж.

«Ой! — испуганно подумала Алиса. — Я и не подозревала, что столкнулась с трагедией. Значит, этот самый Тадеуш полюбил другую женщину и прогнал женщину-мужчину,

которую ищет кораблик Гай-до. А вдруг Ирия с горя покончила с собой?»

— Я провожу? — спросила женщина.

Она повернула коляску и пошла по тропинке. Алиса за ней. Женщина раз или два обернулась, с тревогой глядя на Алису, словно настроение Алисы передалось ей.

Шагов через сто перелесок кончился, и перед ними открылся тихий поселок маленьких разноцветных домиков, окруженных садами. Женщина покатила коляску к крайнему дому. В саду загорелый мужчина в закатанных до колен штанах красил известью стволы яблонь.

— Тадеуш! — позвала женщина.

Мужчина выпрямился и радостно улыбнулся женщине.

Он спросил ее что-то по-польски. Женщина ответила, обернулась к Алисе.

Алиса сказала:

— Здравствуйте. Простите, что я не знаю польского языка, но мне нужно обязательно поговорить с Тадеушем Соколом по очень важному делу.

— Хорошо, девочка, — ответил Тадеуш, ставя кисть в ведро и вытирая руки. — Ты можешь говорить здесь?

— Мне хотелось бы, — сказала Алиса, чувствуя себя неловко, — поговорить с вами наедине.

— Хорошо, — сказал Тадеуш. — Пошли в дом.

Он сказал что-то своей жене, та осталась в саду, а Тадеуш провел Алису на веранду. Он был мало похож на Тадеуша с дисплея. Алиса не узнала бы его, встретив на улице. И понятно — Гай-до помнил его больным, чуть живым.

Тадеуш сел в соломенное кресло и показал Алисе на второе.

— Ты хочешь молока? — спросил он.

— Нет, спасибо, — сказала Алиса. — Я к вам на минутку.

— Откуда ты?

— Меня зовут Алиса Селезнева. Я живу в Москве, но прилетела я к вам со свалки.

— Очень приятно, — сказал Тадеуш, но было видно, что он удивился. — А что тебя привело на свалку?

Алиса посмотрела в сад. Молодая женщина снимала с веревки детские ползунки.

Алиса ужасно стеснялась и потому говорила сбивчиво:

— Он ее любит и ради нее преодолел половину галактики. Он думает, что вы всему виной. Но теперь, когда я все поняла, то я, конечно, ничего не скажу, но что вы с ней сделали?

— Я ничего не понимаю, — сказал Тадеуш. — Объясни спокойно.

— Зачем объяснять? Я думаю, что вы все понимаете. Куда она улетела? Домой? Она ничего с собой не сделала?

— Может, тебе принести валерьянки? — спросил Тадеуш.

— Пожалуйста, не надо вилять и обманывать, — сказала Алиса. Она начала сердиться на этого биолога. Виноват, а сидит на веранде и еще предлагает валерьянку. — Обойдемся без валерьянки.

Тадеуш кинул встревоженный взгляд на жену, но та не смотрела в их сторону.

— Что я ему скажу? — спросила Алиса. — Он же при смерти. У него вот такая дыра в боку.

— Дыра? — биолог вскочил. — У кого дыра?

Он сказал это так громко, что жена услышала его голос и поняла: на веранде происходит что-то неладное.

В мгновение ока она вбежала на веранду. И замерла, переводя взгляд с Тадеуша на Алису.

— Ничего не понимаю, — развел руками Тадеуш. — У кого-то дыра в боку, кто-то еще из-за меня погиб, а кого-то я, по-моему, убил.

Биолог говорил на космолингве, языке, который Алиса отлично понимала.

Молодая женщина смотрела на Алису.

«Ну что ж, — подумала Алиса. — Я хотела быть деликатной и щадила их чувства. Они сами этого не хотят».

— Я скажу всю правду, — произнесла она решительно. — Ваш муж был на планете Вестер. Это было давно, почти два года назад.

— Я знаю, — сказала молодая женщина.

Тадеуш на секунду скрылся внутри дома и вернулся, держа в одной руке флакон валерьянки, в другой — стакан с водой.

— Он был ранен, и за ним ухаживала одна женщина по имени Ирия Гай. Это совсем особенная женщина. Она скорее мужчина, чем женщина, она изобрела и построила корабль Гай-до.

— Знаю, — коротко ответила молодая женщина.

Ее длинные волосы ниспадали на плечи, и сзади их подсвечивало ласковое польское солнце. И оттого эта женщина показалась Алисе красивой, как принцесса из сказки. Ей было очень жаль огорчать такую милую женщину. Но раз уж она начала говорить, останавливаться было поздно.

— Эта Ирия улетела за Тадеушем на Землю. Может быть, она его любила, а может, просто пожалела. Я не знаю.

— Любила, — сказала молодая женщина.

— Тем хуже, — вздохнула Алиса. — Потому что я ищу эту женщину, а оказалось, что он уже женился на вас. Все так запуталось, и я не знаю, что теперь делать. Но мне надо отыскать Ирию Гай. Хотя, может быть, он, — Алиса показала на Тадеуша, — ничего вам про нее не рассказывал.

— Ты права, — сказала молодая женщина и вдруг улыбнулась. — Он ничего мне про нее не рассказал, потому что я и есть Ирия Гай. И на мне он женился.

— Нет! — ахнула Алиса. — Вы не можете быть Ирией Гай. Ирия Гай совсем другая. Она почти мужчина, так ее воспитал отец. Она гоняет на скутерах и занимается штангой. Она обожает рубить деревья.

— Я немного изменилась, — сказала Ирия Гай.

— Разве изменилась? — произнес Тадеуш и сам выпил валерьянку. — Я думал, что совсем не изменилась.

— Но вы совсем другая, — сказала Алиса. — Он мне рассказывал... и даже показывал ваш портрет. У вас даже взгляд другой.

— Кто обо мне рассказывал? — спросила Ирия.

— А у кого дырка в боку? Кто так любит мою жену? — нервно спросил Тадеуш.

— Конечно, Гай-до, — сказала Алиса.

— Корабль? — спросила Ирия. — А как ты могла его увидеть?

— Он так волновался, что полетел на Землю вас искать. Мы его нашли на Земле. На свалке.

— На какой свалке?

— На свалке космических кораблей. В Сахаре. Его обстреляли по пути к Земле, и он чуть было не погиб. Но все-таки долетел. Потому что хотел вас увидеть.

— Глупенький кораблик, — сказала Ирия Гай.

И в этот момент в саду заплакал ребенок. Ирия кинулась с веранды, подхватила малышку на руки и стала укачивать.

— Теперь я все понял, — сказал Тадеуш, — а сначала я даже испугался.

— Я тоже запуталась. Ваша Ирия не похожа на Ирию. А теперь я смотрю и вижу — конечно же, это Ирия, только она изменилась.

— Тадеуш, — слышался из сада голос Ирии, — поставь греть кашку.

— Сейчас, — откликнулся Тадеуш и убежал на кухню.

Алиса осталась на веранде одна.

Всего она ожидала, но не этого. В саду плачет ребеночек, Тадеуш разогревает кашку...

А как же космос? А куда делась героиня, которая больше мужчина, чем женщина?

Героиня поднялась на веранду. На руках она несла ребеночка.

— Посмотри, — сказала она Алисе, — Вандочка — удивительное дитя. У нее уже зубик прорезается.

Алиса посмотрела на малышку: совершенно обыкновенный ребенок.

— И что мы будем делать с Гай-до? — спросила она.

— С кем? — удивилась женщина. — Ах, с кораблем? Но ты же сказала, что он на свалке.

— Вам его не жалко?

— Жалко? Конечно. Тадеуш, где же наконец кашка?

— Иду-иду, — откликнулся Тадеуш. Он прибежал на веранду, держа за ручку красную кастрюльку.

— Гай-до прилетел сюда из-за вас. Его чуть не убили, — сказала Алиса.

— Я его помню, — сказал Тадеуш. — Очень забавное кибернетическое устройство. Имитация человеческого поведения. Твой отец был чудак.

— Мой отец был великий чудак, — ответила Ирия. — Правда, мне из-за этого пришлось

нелегко. Я потеряла детство. В то время как мои счастливые сверстницы играли в куклы, я твердила логарифмы и осваивала рубанок. Вспомнить ужасно!

— А Гай-до говорил, что вам это нравилось.

— Я любила отца, — ответила молодая женщина, — и слушалась его. К тому же я не знала другой жизни.

— Славный старина Гай-до, — сказал Тадеуш, размешивая кашку, чтобы малышка не обожглась. — Помнишь, как вы меня нашли? Я ему очень благодарен.

— Значит, ты благодарен мне, — сказала Ирия. — Ведь я построила этот катер.

— Тебе я благодарен всегда, — ответил Тадеуш. — А ему за то, что он вытащил нас с той проклятой планеты, когда нас хотели убить.

— Но ведь не он два месяца сидел рядом с тобой в больнице?

Алисе показалось, что Ирия немного сердится на Тадеуша. «Так бывает, — подумала она. — Люди чувствуют себя виноватыми, а сердятся на других».

— Может, слетаем на свалку, навестим его? — сказал Тадеуш.

— Лучше Алиса пришлет нам его фотографию, — ответила Ирия, — я не хотела бы оставлять Вандочку. В конце концов, корабль —

это корабль. Не больше. Он связан с моим прошлым. Честно говоря, это прошлое мне кажется страшным сном. Лучше бы его не было. Только здесь я поняла, что создана не для приключений и бокса, а для того, чтобы качать детей и вышивать. Оказывается, я отлично вышиваю. Ты умеешь вышивать, Алиса?

— Нет, — сказала Алиса. — Я учусь стрелять из лука.

— Стрелять из лука — не главное в жизни, — засмеялась Ирия, прижимая к себе ребеночка.

— Не знаю, — сказала Алиса. — Мне кажется, что главное в жизни — это наука и приключения.

— Раньше я тоже была глупой. Теперь меня ничто не оторвет от дома. Ты будешь с нами обедать? У меня суп с клецками. Очень вкусный.

— Нет, спасибо, — сказала Алиса. — Меня друзья ждут. Мы хотим починить Гай-до.

— Зачем? Лучше постройте новый корабль. Гай-до свое отлетал.

— Нет, — не согласилась Алиса. — Второго такого корабля нет. Но он так переживал из-за вас!

— Знаешь что, — сказала Ирия сердито, — я бы на вашем месте отключила его динамик. Кораблю незачем разговаривать.

— Мы этого никогда не сделаем. Мы с ним уже почти подружились. А что сказать, если Гай-до будет спрашивать, нашла я вас или нет?

— Что? — Ирия задумалась. Потом сказала: — Тадеуш, поддержи ребенка.

И быстро ушла в комнату.

Тадеуш спросил:

— Ты сказала, что у него дыра в боку. Что случилось?

— Кто-то напал на Гай-до, когда он подлетал к Солнечной системе.

— Напал? И выстрелил?

— Да. Он не знает кто и почему. Его подобрал наш патрульный крейсер, и он очнулся уже на свалке.

— Странно, — сказал Тадеуш.

Тут на веранду вышла Ирия.

Она протянула Алисе маленькую плоскую кассету.

— Отдашь эту видеопленку Гай-до. Он сам скажет тебе, куда ее вставить. Тут я передаю ему привет и говорю, что у меня все в порядке, прошу, чтобы он забыл обо мне. Я больше никогда не буду летать. Я счастлива на Земле.

Ирия и Тадеуш вышли проводить Алису к калитке.

Алиса лесом добежала до флаера.

Через два часа она была уже в Сахаре.

Глава 9

САМОУБИЙЦА

Алиса рассказала обо всем ребятам, а кассету вставила в видеофон.

Корабль был огорчен.

Он надолго замолчал и даже перестал помогать Пашке и Аркаше советами. Словно его больше не интересовала собственная судьба.

Но работать он не мешал, просто вдруг превратился в самый обыкновенный безмолвный корабль.

Алисе было жалко его. Конечно, у каждого человека своя судьба. И кораблю не разобраться в человеческих отношениях. Но Алисе почему-то казалось, что Гай-до — это щенок, который привязался к своему хозяину, а тот переехал на другую квартиру и решил, что обойдется без щенка, потому что он может испортить ковер. Вот и бегают щенок по улице и никак не поймет, за что его так обидели.

Аркаша привез из Москвы затравку кораллита. Это материал, из которого часто строят на Земле дома. Он состоит из живых кораллов, которые могут расти на воздухе. Если сделать кораллиту форму или опалубку, а потом поливать его питательным раствором, микроскопические кораллы начинают буйно размножаться,

заполняя форму плотной массой, которая крепче любого бетона и легче ваты.

Пашка с Аркашей сделали из пластиковых листов заплату на корпус Гай-до, а затем нарастили ее кораллитом.

Кораллит быстро затянул пробоину. Получилось не очень красиво, но крепко. Даже в космос не страшно подняться, хотя надежнее сделать заплату металлическую. Но для этого надо перелететь в Москву, в школьную мастерскую. Там есть приборы и станки, с помощью которых можно починить Гай-до.

Подготовка к перелету заняла еще три дня.

Все эти дни Гай-до упрямо молчал.

Впервые он заговорил утром четвертого дня, когда москвичи прилетели на свалку, чтобы перегнать корабль к себе домой.

Пока Аркаша с Павлом сидели у Джамили, оформляя документы — ведь все корабли на учете и просто так забрать оттуда корабль нельзя, — Алиса включила пылесос, привезенный из дома, чтобы прибрать на мостике и в каюте.

Она так отвыкла от того, что Гай-до разговаривает, что вздрогнула, когда услышала голос корабля.

— Алиса, — сказал корабль, — я вам не советую лететь в Москву.

— Ой! — сказала Алиса. — Ты заговорил! Как хорошо!

— Я решил покончить с собой. И не хочу, чтобы в этот момент вы оказались внутри меня.

— Ты с ума сошел! — ответила Алиса. — Так не бывает! В истории космонавтики еще не было случая, чтобы корабль покончил с собой.

— Это будет первый случай, — сказал Гай-до, — потому что я первый в мире разумный корабль, которого так жестоко обманули. Я не хочу больше жить.

— Это из-за Ирии?

— Я желаю ей счастья, — сказал Гай-до. — Но я ей не нужен. И она этого от меня не скрывает. Она даже не хочет обо мне вспоминать. Она не хочет вспоминать ни о чем, что связано с ее прошлой жизнью. Значит, я должен исчезнуть. А вдруг она вспомнит обо мне и начнет разрываться между мною и этим проклятым Тадеушем. Она разрушит семью, забудет своего ребеночка. И все будут страдать. Нет, я не могу этого допустить. Поэтому я должен погибнуть.

— Как же ты собираешься это сделать? — спросила Алиса.

— Несложно, — сказал печально корабль. — Я возьму курс на ближайший астероид, разгонюсь до субсветовой скорости и врежусь в него. От меня ничего не останется.

— И ты твердо решил? — спросила Алиса и неожиданно для себя заплакала.

— Твердо, — ответил кораблик.

— Как жалко!

— Мне тоже нелегко.

Алиса ничего не могла с собой поделаться. Она почти никогда не плакала, а тем более нельзя плакать, если тебе уже скоро двенадцать лет и ты облетела половину галактики. Но представьте себе, как маленький, никому не нужный корабль Гай-до устремляется к пустому холодному клыкастому астероиду, чтобы найти мгновенную смерть в его скалах.

И в этот момент вернулись веселые, запыхавшиеся Пашка с Аркашей.

И увидели, что Алиса сидит в кресле пилота с пылесосом в руках и безудержно рыдает. А вторя ей, из динамика над пультом доносится еще чей-то тихий плач.

— Кто тебя обидел? — бросился к Алисе Пашка. — Скажи, и я его убью!

— Может, тебя скорпион укусил? — спросил Аркаша.

— Нет, но у меня горе.

— Какое?

— Гай-до не хочет больше жить. Он решил разбиться об астероид.

— Чепуха какая-то, — сказал Пашка. — Так не бывает.

— Почему не бывает? — сказал Аркаша, который уже все понял. — Если ты дал разум машине, если ты научил ее чувствовать и переживать, то несешь за нее ответственность. А что сделала Ирия? Она нашла свое счастье и забыла, что этим отняла счастье у другого. Я не знаю, что бы я сделал на месте Гай-до.

— Спасибо, — сказал Гай-до. — Так хорошо, когда тебя понимают.

— Гай-до, миленький, постарайся не умирать, — сказала Алиса, глотая слезы. — Я буду о тебе заботиться.

— Она в самом деле опечалена? — спросил Гай-до.

— Еще как! — сказал Пашка. — Я бы этой Ирии голову оторвал.

— Послушай, Гай-до, — сказал разумный Аркаша, — может быть, вместо того чтобы разбиваться об астероид, ты поищешь другой смысл в жизни? Ты еще молодой, тебе летать и летать...

— Не знаю, — всхлипнул корабль. — Я не вижу этого смысла.

— Неправда, — возразил Пашка. — Смысл есть. Смысл в том, чтобы нам всем вместе победить в гонке.

— А потом? — спросил кораблик.

— А потом придумаем. Полетим с тобой в галактику. Будем воевать с космическими пиратами. Найдем странников. Дел на всю жизнь хватит.

Гай-до замолчал. Задумался.

Алиса вытерла слезы. Ей было неловко перед друзьями, хотя никто ее не осуждал. Все они за эти дни привыкли к кораблику, как к живому существу.

— Давайте я слетаю к этой Ирии, — сказал Пашка. — Я ей все выскажу по-мужски.

— Зря стараешься, — сказала Алиса. — Она не поймет. Нет смысла.

— Нет смысла, — повторил кораблик. — Но есть над чем задуматься. Слезы... детские слезы...

И он снова замолчал.

— Что теперь? — спросил Аркаша. — Возвращаемся домой?

— Нет, — твердо сказала Алиса. — Я его здесь не оставлю. Или он летит с нами и будет жить в Москве, или я останусь здесь.

— И умрешь от голода и жажды.

— Не умру, — сказала Алиса. — Джамияля меня поймет.

— Погодите! — воскликнул кораблик. — Алисе не надо здесь оставаться. Я лечу с вами

в Москву. Я решил жить, потому что видел, как из-за моих несчастий плакала эта чудесная девочка. Значит, я все-таки не один на свете.

— Не один, — твердо сказал Пашка, который испугался, что затея с гонками рухнула. — Мы с Аркашей тоже тебя не оставим. Будешь четвертым членом экипажа. Честное слово!

— Спасибо, — сказал Гай-до. Еще подумал и добавил: — Когда вылетаем? Мне надо сменить в мозгу шестнадцать кристаллов.

— Чем скорее, тем лучше, — ответил Аркаша.

— Тогда за работу! — ответил кораблик бодрым голосом.

Глава 10

Я С ВАМИ НЕ ПОЛЕЧУ!

Они попрощались с Джамилей, у которой сидели биолог по случайным мутациям и специалист по сельскохозяйственным вредителям. Они и прилетели из Лондона искать этот таинственный серый мяч, который ребята видели на свалке. Пашка решил было задержаться и вместе с ними ловить серый мяч, но Аркаша посмотрел на него так строго, что Пашка смешался и сказал, что он пошутил.

Через Средиземное море летели не спеша, невысоко, чтобы Гай-до посмотрел Землю. Он ведь ее толком еще и не видел. Средиземное море ему понравилось, но красоту храма Парфенон кораблик не оценил. У него были свои понятия о красоте, которые не имели ничего общего со вкусами древних греков.

Зато Москву корабль одобрил. И небоскребы, и чистоту на улицах, и даже самих москвичей.

Школьная техническая площадка расположена между учебным зданием и футбольным полем. На площадке есть мастерские, небольшой ангар для летательных аппаратов, полигон и склад. Когда Гай-до снизился, там как раз возились первоклассники, которые разбирали старый спутник на практических занятиях по истории космонавтики. Малыши загалдели, окружили кораблик, он им понравился, и они не скрывали своего удовольствия. Оказалось, что и Гай-до не лишен тщеславия. Он медленно поворачивался вокруг оси, чтобы малыши могли его получше разглядеть, и Алисе даже захотелось засмеяться, но она сдержалась, чтобы не обидеть Гай-до. А тот сказал ей:

— Приятные ребята, из них выйдет толк. Когда-нибудь я с ними займусь.

Потом пришел Лукьяныч, бывший механик на грузовых кораблях, человек ворчливый,

но добрый — даже трудно представить себе, сколько поколений учеников школы занималось у него космической техникой. Его слово было решающим. Пашка даже побледнел, так ему хотелось, чтобы экзамен прошел успешно.

Лукияныч долго ходил вокруг Гай-до, заглянул внутрь, посидел в пилотском кресле. Гай-до молчал, он договорился с Алисой, что пока не будет показывать, что он разумный, а то начнутся всякие разговоры, расспросы... Ведь для Лукьяныча все равно, разговаривает корабль или нет. Лукьянычу важны ходовые характеристики.

Лукияныч вылез из Гай-до и сказал, покручивая сизый ус:

— Работа мастера!

Это было высокой похвалой конструктору корабля. Но потом Лукьяныч добавил:

— Вам его не довести до кондиции.

— Почему?

— Гонки идут не в открытом космосе, а частично в атмосфере. В этом вся загвоздка. Корпус побит, погнут, дыру вы заделали кое-как. Разогнаться как следует не удастся.

— А вы можете? — спросила Алиса.

— Не помогу, — сказал Лукьяныч. — Послезавтра уезжаю на практику с седьмыми классами. А восстанавливать его надо на заводе. Сами понимаете.

С этими словами Лукьяныч ушел, оставив космонавтов в полном отчаянии. Потому что если Лукьяныч сказал, что корпус не восстановить, значит, не восстановить.

Они забрались в Гай-до, и Аркаша спросил:

— Ты слышал, что он сказал?

— Слышал, — ответил Гай-до. — Но я постараюсь.

— Что ты сможешь сделать! — воскликнул в сердцах Пашка. — Не надо было под ту ракету соваться!

— Глупо, — заметил Аркаша. — Откуда он знал, что по нему будут стрелять?

— Может, в самом деле поговорить на космическом заводе? — спросила Алиса. — Попросить их.

— Ничего не получится, — сказал Аркаша. — На заводе свой план, они и так не справляются, вон сколько нужно кораблей! А к ним приходят дети и говорят: почините нам игрушку.

— Я не игрушка, — сказал Гай-до, — вы слышали, как профессор Лукьяныч сказал, что меня делал мастер?

— На прошлом далеко не уедешь, — заметил Пашка. — А наши соперники уже выходят на финишную прямую. Я звонил сегодня утром в Шанхай. Ван и Лю говорят, что почти готовы.

— Но я же прилетел сюда из Сахары! — сказал Гай-до.

— На малой скорости. И то ты плохо держал курс, сам знаешь.

— Знаю, — убитым голосом сказал Гай-до. — А я так хотел быть вам полезен.

— Мы тебя не упрекаем, — сказала Алиса. — Просто не повезло.

— Заколдованный круг получается, — сказал Аркаша. — Если бы ты был в полном порядке, мы обогнали бы всех и на обычном топливе. Если бы у нас было какое-нибудь особенное топливо для разгона в атмосфере, мы бы обогнали всех и в таком виде.

— Топливо... — повторил Гай-до. — А что, если... Нет, для меня эти воспоминания слишком тяжелые.

— Какие воспоминания? — быстро спросил Пашка.

— Воспоминания о планете Пять-четыре, где госпожа Ирия встретила этого Тадеуша.

— А что там было?

— Может, ничего и не было.

— Гай-до, — строго сказал Пашка, — или ты сейчас все рассказываешь, или остаешься навсегда на этой площадке, и пусть с тобой играют первоклассники.

— Я же вам рассказывал, — произнес нехотя Гай-до, — что мы нашли Тадеуша возле базы странников.

— База странников! — Пашка подскочил в кресле и чуть не стукнулся головой о потолок.

— База очень старая.

— Они все старые, — сказал Пашка. — Все равно туда не заберешься.

— Ах, вы такие забывчивые, друзья мои! — вздохнул корабль. — Я же видел там цистерны с горючим. А если я их видел, значит, они были видны.

— Я помню, — сказал Аркаша, — ты говорил, что вход был разрушен землетрясением.

— Значит, — сказал Гай-до, — предохранительный механизм, который уничтожает базу, если туда попадает посторонний, вышел из строя.

— Повтори, — сказал Пашка торжественно.

— Вышел из строя.

— Чего же ты молчал! — закричал Пашка. — Мы немедленно летим на планету Пять-четыре, забираем горючее странников... и, может быть, сокровища!

— Нет, — сказал Аркаша, — я категорически возражаю. Мы должны сообщить об этом в Верховный совет Земли. Туда снарядят экспедицию. Этим должны заниматься взрослые.

— Очень разумно, — сказал кораблик. — Я преклоняюсь перед вашей разумностью, Аркаша.

— Я тоже преклоняюсь, — сказал Пашка. — Я думаю, Аркаше пора возвращаться к ботаническим опытам. Квадратный арбуз — вот цель жизни!

— Это почему? — обиделся Аркаша. — Нельзя сказать правду, чтобы ты сразу не накинулся.

— И никаких гонок, разумеется, не будет, — сказал Пашка.

— Почему же?

— А очень просто, — ответила за Пашку Алиса. — Потому что мы должны будем в первую очередь отдать в Верховный совет нашего Гай-до. Его будут там расспрашивать и проверять. Может, он больной. Может, его так повредило ракетой, что он начал придумывать разные фантазии.

— Правильно! — подхватил Пашка. — И потом, конечно, Гай-до разберут на части.

— Не надо! — закричал кораблик.

— И уж конечно, ему никогда не подняться в космос.

— Не надо!

— А потом на планету Пять-четыре полетит экспедиция, в которую ни за что не возьмут ни

одного легкомысленного ребенка. Туда полетят профессора и академики, а потом напишут миллион статей о возможном применении отдельных предметов... А мы прочтем об этом в газетах.

— Что же ты предлагаешь? — спросил Аркаша.

— Совершенно ясно, — сказала Алиса, — Пашка предлагает полететь туда самим.

— Полететь туда самим, поглядеть хоть одним глазком на сокровища странников. Я живу на свете только один раз! — Тут Пашка встал в гордую позу, чтобы все поняли, что живет он не зря. — Я не знаю, сколько подвигов и великих открытий я успею совершить. Но когда мне говорят: «Гераскин, ты можешь!» — я бросаю все дела и иду!

— Мне нравится, как говорит Павел, — сказал кораблик. — Я его понимаю. Но, к сожалению, я должен возразить: это путешествие может оказаться очень опасным.

— И мы вообще не долетим, — добавил Аркаша. — Это же настоящее космическое путешествие с большим прыжком. Его категорически запрещено делать человеку, не имеющему диплома космонавта. И вы подумали, что скажут наши родители?

— Отвечаю по пунктам, — сказал Пашка. — Во-первых, мы долетим, потому что

полетим туда не на обыкновенном глупом корабле, а на нашем друге Гай-до. Он сделает все, что нужно. Ты сделаешь, Гай-до?

— Сделаю, — сказал кораблик.

— Второе. Никому мы ничего не скажем. Потому что нам, конечно, запретят лететь. А родители наши сойдут с ума от страха за своих малышей. При всех положительных качествах они совершенно отсталые, как и положено родителям.

— Я с вами не играю, — сказал Аркаша.

— Я и не ждал, что ты согласишься, — сказал Пашка. — Для этого требуется смелость, а смелость дана не каждому. Но ты должен дать слово, что будешь держать язык за зубами.

— Я не могу дать такого слова.

— Тогда мне придется тебя обезвредить, — сказал Пашка.

— Попробуй.

— Я найду подходящее подземелье и заточу тебя на то время, пока нас не будет.

— Ладно, мальчики, — сказала Алиса. — Хватит ссориться. А то вы наговорите глупостей, а потом будете целый месяц дуться друг на друга.

— Скажи, Алиса, — вступил в разговор кораблик, — а наш друг Паша в самом деле намерен провести в жизнь свой страшный план и посадить Аркадия в подземелье?

— Нет, — ответил за Алису Аркаша. — У него нет под рукой подходящего подземелья.

Аркаша повернулся и ушел.

Пашка бросился было за ним, но потом махнул рукой.

— Беги, предатель, — сказал он.

— Он никому не скажет, — сказала Алиса.

— Я знаю, — ответил Пашка. — Все равно обидно. Пошли, Алиска, нам надо придумать, что сказать предкам.

Глава 11

ФЕСТИВАЛЬ НА ГАВАЙЯХ

Они попрощались с Гай-до и выскочили из него.

День был радостный, солнечный. На площадке перед кораблем стоял молодой мужчина и задумчиво рассматривал его.

Мужчина был Алисе знаком, но она никак не ожидала его тут увидеть и сразу не узнала.

— Тадеуш! — воскликнула она. — Вы что здесь делаете? А где Ирия?

— Здравствуй, Алиса, — сказал Тадеуш Сокол. — Ирия во Вроцлаве с ребенком. А я вот приехал в Москву по делам. У нас конференция. И думаю: разыщу тебя, узнаю...

— А это Паша, мой друг, — сказала Алиса. — Мы хотим с ним вместе полететь на Гайдо.

— Очень хорошо, — сказал Тадеуш. — Я рад.

— Значит, это вы — муж Ирии? — спросил Пашка строго.

— Ты угадал.

— Понятно, — сказал Пашка. Тадеуш ему не понравился.

Они замолчали, глядя на кораблик. Он стоял совсем рядом, но неизвестно было, слышал их или нет. А может, он и не узнал Тадеуша. А если и узнал, то не подал вида. Наверное, потому, что считал Тадеуша виновником всех бед.

— Я себя чувствую неловко, — сказал Тадеуш. — Но жизнь очень сложная штука. Вы это еще поймете. Потом.

— Я уже сейчас понимаю, — сказал Пашка. Тадеуш только улыбнулся.

Алиса подумала: «Он не так уж и виноват. Это все Ирия решила». Чтобы не молчать, она спросила:

— А вы на планете Пять-четыре не видели базы странников?

Пашка толкнул Алису в бок: замолчи!

— Базу странников? — удивился Тадеуш. — А разве она там есть?

— Нет, — сказал быстро Пашка. — Наукой установлено, что там нет базы странников.

— Впрочем, — сказал Тадеуш, — если бы я выбирал самое дикое место, чтобы спрятать базу, лучше, чем Пять-четыре, не найдешь.

— Вы так и не помните, кто на вас напал? — спросила Алиса.

— Нет. Это случилось очень неожиданно. Хотя, если задуматься, у меня в тот день было странное ощущение, словно за мной кто-то следит. Неприятное ощущение. Там водятся серые шары, большие, как... футбольный мяч. Один такой шар от меня буквально не отставал.

Тадеуш замолк. Алиса вдруг вспомнила мяч на свалке.

— Вот такой? — Она показала руками.

— Да, примерно такой... Простите, мне пора идти. До свидания, ребята. Напишите мне, как прошли гонки. До свидания, Гай-до.

Гай-до ничего не ответил.

Они попрощались с Тадеушем у школьных ворот. Его ждал флаер.

Тадеуш помахал сверху рукой. Алиса помахала в ответ. Пашка махать не стал.

— Где бы добыть оружие? — сказал Пашка. — В такую экспедицию безумие лететь невооруженным.

Алиса только отмахнулась. Она оставила Пашку на перекрестке и пошла домой.

Нельзя сказать, что она была довольна собой. Она отлично понимала, что Аркаша прав: детское легкомыслие — лететь на неизвестную планету, искать базу странников. Надо обо всем рассказать отцу. Тогда прощай, Гай-до, прощайте, гонки, прощай, Большое Приключение. Но как трудно от этого отказаться! А что, если Аркаша обо всем расскажет? Тогда она ни в чем не будет виновата. Все получится само собой. Нет, лучше, если Аркаша промолчит. В конце концов, что тут особенного? И она и Пашка бывали в космосе, они уже не дети, им по двенадцать лет. Гай-до не обыкновенный корабль. А если открыть сокровища странников — это редчайшая удача!

Алиса почувствовала, что сзади кто-то есть.

Она быстро обернулась и увидела, что по дорожке следом за ней катится серый мяч.

Поняв, что его увидели, мяч резко изменил направление и покатился к кустам.

— Стой! — крикнула Алиса. — Еще чего не хватало!

Кусты зашуршали. Алиса раздвинула их, но ничего не увидела.

Может, показалось? Тадеуш говорил про серый шар, вот и чудится всякая чепуха.

Алиса не заметила, что серый мяч как бы растекся, превратился в серую пленку и обвил дерево, слившись с его корой.

«Пойду домой, — решила она. — Надо будет придумать, куда отправиться на несколько дней так, чтобы не удивить родителей».

Вечером ей повезло. Позвонила папина знакомая и стала рассказывать, какой замечательный фестиваль народных танцев всей планеты начинается на Гавайских островах. Она щебетала полчаса, а потом спросила:

— Почему бы вам туда не слетать?

— Мне некогда, — ответил профессор Селезнев, которому это щебетание уже надоело.

— А Алисочка? — воскликнула знакомая. — У нее же каникулы.

— Сомневаюсь. По-моему, она всерьез увлеклась космическими гонками, — сказал отец.

— Почему же? — сказала Алиса. — Гонки еще только в августе. Я с удовольствием слетаю на фестиваль.

А когда она сказала о фестивале Пашке Гераскину, тот заявил, что с детства только и мечтал наслаждаться народными танцами.

Мать его отпустила на Гавайи. Только умоляла не сражаться с акулами.

На следующее утро мать застала его в тот момент, когда он опустошал холодильник. Глядя

честными голубыми глазами, Пашка сказал матери, что не выносит гавайской пищи и потому вынужден тащить с собой на фестиваль целый мешок копченой колбасы, сыра, масла и консервов.

Мать спросила:

— Может, у тебя живот болит?

— У меня железное здоровье, — ответил Пашка.

Глава 12 ДВА ЗАЙЦА

Конечно, экспедиция была подготовлена не очень тщательно. Но Алиса с Пашкой рассчитывали, что она продлится недолго. Туда и обратно. Да и много ли нужно двум космонавтам отроческого возраста?

С Аркашей в последние два дня перед отлетом они не виделись. Правда, Алиса как-то заглянула в лабораторию и увидела, что Аркаша в одиночестве сидит перед микроскопом. Они поговорили на разные темы, но основной и самой болезненной не касались.

Стартовать решили днем. На виду у всех. Пашка где-то вычитал, что опытные преступники так всегда и делали. Допустим, хочешь ты

ограбить старушку миллионершу. Тогда ты переодеваешься молочником или почтальоном и открыто стучишь к ней в дверь. Никто не беспокоится, включая саму старушку.

Алиса попросила Пашку самому поговорить с Лукьянычем. Дело в том, что Алиса ненавидит говорить неправду. Но в жизни детям время от времени приходится говорить неправду, в первую очередь из-за того, что родители их не понимают. В таких случаях Алиса предпочитала ничего не говорить вообще. А так как Пашка не имел таких железных принципов, он спокойно рассказал Лукьянычу, что они решили провести ходовые испытания Гай-до в атмосфере и совместить их с полетом на фестиваль народных танцев.

Лукьяныч сам проверил, как работает пульт управления, похвалил ребят, что они привели его в порядок, проверил прочность кораллитовой заплаты и дал согласие на полет.

— Только выше пятисот над поверхностью не советую подниматься, — сказал он. — И не гоняйте его на пределе скорости. Все-таки ему еще далеко до готовности.

— Будет сделано, — сказал Пашка.

Алиса, стараясь остаться честным человеком, молчала и укладывала посуду в ниши бортового шкафа, чтобы не побилась при маневрах.

Когда Лукьяныч вышел из корабля, Гай-до, который не проронил до этого ни слова, произнес:

— Странно, говорят, что ваш Лукьяныч разбирается в кораблях, а мне не доверяет.

— Ты не прав, братишка, — сказал Пашка. — Если бы у него были сомнения, никуда бы он нас не отпустил.

В последние дни Пашка называл Гай-до братишкой, и корабль не обижался. Чувство юмора у Гай-до было развито слабо, потому что оно было слабо развито у его конструкторов, но смеяться он умеет.

Алиса села в кресло пилота, связалась с диспетчерской, получила «добро» на вылет за пределы атмосферы.

— У тебя все готово? — спросила она Пашку.

— Готово, — сказал он, пристегиваясь к креслу.

И тут раздался леденящий душу крик. Он доносился снизу.

Алиса и Пашка замерли, словно примерзли к креслам.

Люк, что ведет в трюм корабля, распахнулся, и оттуда выскочил бледный как смерть Аркаша Сапожков.

Он даже трясся.

Как только Алиса и Пашка сообразили, что это не привидение, а самый обыкновенный Аркаша, они накинулись на него.

— Я могла умереть от страха, — заявила Алиса. — Ты об этом подумал?

— И вообще, что ты здесь делаешь? Шпионишь? — спросил Пашка.

— Я сам чуть не умер от страха, — сказал Аркаша, опускаясь в кресло. — Я решил: полечу все-таки с вами. А вдруг будут опасности, и я смогу вам помочь. Но мне не хотелось об этом раньше времени говорить... Я прошел в корабль, забрался в трюм и стал ждать, пока Гай-до поднимется.

— Ты что, о перегрузках забыл? — удивилась Алиса.

— Он, может, и забыл, — послышался голос Гай-до, — но я о таких вещах, как безопасность экипажа, никогда не забываю.

— А чего же нам не сказал? — удивилась Алиса.

— А вы не спрашивали, — сказал Гай-до. — Вы не спрашивали, а Аркадий попросил меня хранить молчание. Вот я и хранил.

— Дурак, — сказал Пашка.

— Вот это лишнее, братишка, — обиженно ответил корабль.

— А чего же ты испугался? — спросила Алиса.

— Я испугался? — удивился Аркаша. — Я почти не испугался.

— Ты бы видел свое лицо, когда из люка лез, — засмеялся Пашка.

— Нет... так просто... Я там в пустой контейнер для образцов залез и заснул. А потом мне показалось... наверное, мне показалось, что там что-то живое меня коснулось. Как крыса. Там же темно... Я спросонья и закричал.

— Показалось? — спросила Алиса. — А может, там еще какой заяц есть? Может, какой-нибудь первоклашка забрался? Гай-до, скажи, в трюме больше нет ни одного человека?

— В трюме больше нет ни одного человека, — сказал Гай-до. — Я бы заметил, если бы на борт поднялся еще один человек. В трюме есть органические вещества, но это, очевидно, те продукты, которые загрузили мои новые хозяева. Там есть десяток палок копченой колбасы, двадцать три батона, головок сыра разного размера... четыре.

— Три головки сыра, — поправила корабль Алиса.

— Хватит, — сказал Пашка. — Так мы никогда не взлетим. Аркаша, ты не раздумал с нами лететь?

— Не раздумал, — сказал Аркаша.

— Всем членам экипажа занять свои места!
Даю старт.

Прошли пояс околоземных лабораторий и городков на орбите, потом миновали громадный центральный космодром на полпути к Луне, где швартовались грузовые громады со всей галактики, затем справа по борту прошла Луна. На ней были видны многочисленные огоньки городов, заводов и рудников. Гай-до постепенно набирал скорость, так, чтобы не было особых перегрузок. Он щадил своих пассажиров.

Наконец орбита Луны была позади. Марс остался в стороне. Впереди плыл величественный полосатый Сатурн.

— Скоро будем проходить то место, где меня подбили, — сказал Гай-до.

— Как странно, — сказала Алиса, — тут оживленно, будто на улице.

— Может, позавтракаем? — спросил Пашка. — Что-то я давно не ел.

— Мы же договорились как следует позавтракать дома! — возмутилась Алиса. — Почему на тебя нельзя положиться? Пищу надо экономить. Теперь нас не двое, а трое. С твоим аппетитом мы умрем с голоду раньше, чем долетим до Пять-четыре.

— Я не рассчитывал на Аркашу, — сказал Пашка. — Мне бы хватило.

Алиса увидела, что Аркаша побледнел. Он был гордый человек и понимал, что виноват, не подумал о еде.

— Я вообще могу не есть, — сказал Аркаша.

— Поздравляю, — съязвил Пашка.

— Замолчи, умник! — возмутилась Алиса. — Я буду делить свою норму с Аркашей, а ты можешь о себе не беспокоиться.

Тут уж пришла Пашкина очередь возмущаться:

— Значит, я — холодный эгоист, я могу бросить друзей на произвол судьбы, а вы хорошие? Как я жалею, что выбрал вас к себе в экипаж. Столько хороших людей на свете, а мне достались неблагодарные эгоисты.

— Странно, — заметил Гай-до, — в рассуждениях моего братишки полностью отсутствует логика. Насколько я понял, его товарищи добровольно решили не ограничивать его питание, а он на них сердится.

— Что ты понимаешь в человеческих отношениях! — взревел Пашка.

— Боюсь, что ничего не понимаю, — грустно сказал Гай-до. — Я все время ошибаюсь. Когда я думаю, что люди должны вести себя так, они тут же начинают вести себя иначе.

— Извини, Гай-до, — сказала Алиса твердо. — Мы ведем себя как глупые дети, которых нельзя пускать в космос. Я предлагаю забыть о спорах и для начала выяснить, сколько у нас продуктов. Я пойду в трюм и все запишу.

— У меня с собой есть две пачки жевательной резинки, — сказал виновато Аркаша.

— Ими ты будешь угощать туземцев, — не удержался Пашка, потому что он всегда оставлял за собой последнее слово.

Алиса отстегнулась от кресла и открыла люк.

Гай-до включил в трюме яркий свет.

«Конечно, — подумала Алиса, — когда здесь было темно, Аркаша мог напугаться». Сейчас маленький трюм, в котором хранились инструменты, запасные части, продовольствие и снаряжение для экспедиции, фонари, веревки, лестницы, сверла и бурильная установка, которые приволок на корабль Пашка, казался обжитой мастерской. У стены стоял большой холодильник. Рядом на полках — контейнеры.

Алиса сказала Гай-до:

— Я буду тебе диктовать, а ты записывай, хорошо?

— Зачем записывать? — удивился корабль. — Я и так все запомню.

— Мне потом надо будет разделить пищу на дни и едоков, — сказала Алиса.

Она открыла холодильник и начала вслух перечислять все продукты, что были в нем. Потом перешла к продуктам, что лежали на полках. На нижней полке, где недавно скрывался Аркаша, лежали сухие колбасы и головы сыра.

— Записывай дальше, — диктовала Алиса. — Колбаса. Десять штук.

— А какой вес? — спросил Гай-до.

— Примерно по полкило.

— Записал.

— Три головы сыра.

— Нет, — сказал Гай-до, — четыре.

— Но тут три. Можешь посмотреть.

— Нет, четыре, — упрямылся Гай-до. — Четвертая закатилась в угол, протяни руку.

Алиса протянула руку и, хоть она ничего не боялась, вскрикнула от неожиданности, потому что голова сыра была мягкой, теплой и покрытой слизью. Голова вздрогнула от Алисиного прикосновения, покатила по полке, упала на пол и помчалась к куче инструментов, чтобы в нее зарыться.

Тогда Алиса сообразила: это был все тот же вездесущий серый мяч из Сахары.

— Еще чего не хватало! — сказала Алиса вслух. — Как же мы его раньше не заметили?

В люке появились головы Аркаши и Пашки — они слышали крик Алисы.